

Николай Клюев:

путь от речи на Кургане
до поэмы "Кремль"

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Библиотека-филиал № 3 им. Н.А. Клюева

**Николай Клюев:
путь от речи на Кургане до поэмы
«Кремль»**

*Сборник материалов
научно-практической конференции*

Петрозаводск
2008

Содержание

Предисловие.....	3
Статьи	
<i>Кривошеева Г.А.</i> Николай Клюев в Петрозаводске.....	6
<i>Неелова М.Е.</i> А.П. Никаноров. Воспоминания о Сергее Есенине и Николае Клюеве. (По материалам Национального Архива РК).....	16
<i>Принцева А.А.</i> Образы севернорусских святых в поэзии Н.А. Клюева.....	23
<i>Ершов В.П.</i> Я отдал дедовским иконам поклон до печени земной... (Взгляд Н.А. Клюева на крестьянскую икону).....	31
<i>Маркова Е.И.</i> Поэт и вождь в поэме Николая Клюева «Кремль».....	43
Приложение	
Книги в дар от участников конференции.....	51
Список литературы к книжной выставке о жизни и творчестве Н.Клюева.....	52
Электронные ресурсы по творчеству Николая Клюева.....	54

Предисловие

*«Клюев – пришелец с величавого Олонца,
где русский быт и русская мужицкая речь
покоится в эллинской важности и простоте».*

О. Мандельштам

Творчество великого русского поэта Николая Алексеевича Клюева (1884 – 1937) по праву можно назвать вершиной русской духовной поэзии.

Лишь в наше время благодаря исследователям творчества писателя, мы можем иметь представление о том, кто такой был Николай Клюев, каков был его жизненный и творческий путь, какой вклад он внес в родную литературу. Мы можем гордиться тем, что начало возвращения наследия поэта к читателям положил петрозаводский краевед Александр Константинович Грунтов. Его дело продолжили карельские писатели и поэты, учёные и педагоги, библиотекари и сотрудники петрозаводских музеев и архивов.

В 2004 году по инициативе участников Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», состоявшейся в Петрозаводске и посвящённой 120-летию со дня рождения самобытного русского поэта Николая Алексеевича Клюева, в администрацию города было направлено обращение об увековечении памяти поэта. Городской комиссией по культурно-историческому наследию было принято решение присвоить имя Клюева библиотеке-филиалу № 3 Муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система». Выбор библиотеки был не случаен. Расположенная в микрорайоне Кукковка, она связана с именем Н. Клюева не только географически. На Кургане, недалеко от места, где сейчас расположена библиотека, в 1906 году Клюев выступил с речью, которая впоследствии была названа «апостольской». Библиотека давно ведёт большую просветительскую деятельность. Здесь более 20 лет работает клуб «ЛИК» («Литература. Искусство. Культура»), ставший нашей визитной карточкой. Темы литературно-музыкальных вечеров часто посвящаются выдающимся деятелям культуры и искусства. На одном из таких вечеров в 2002 году шла речь о

Николае Клюеве, чьё творчество и жизненный путь были связаны с Карелией. Поэт родился в Вытегорском уезде. В Петрозаводске он учился в фельдшерской школе, а в 1906 году сидел в губернской тюрьме за распространение листовок Всероссийского крестьянского союза.

С присвоением имени Николая Клюева библиотеке был дан старт новому направлению в работе – продвижению чтения и интереса к творчеству Н. Клюева через организацию ежегодных Клюевских чтений. Фонд библиотеки регулярно пополняется книжными изданиями «клюевской» тематики, в том числе и подаренными книгами.

Е. И. Маркова, известный исследователь творчества Н. Клюева, подарила свои книги и труды ряда известных исследователей России, Польши, Франции и книги, переданные в дар библиотеке московским издательством «Прогресс – Плеяда».

Клюевские чтения 2007 г. открылись 24 октября научно – практической конференцией «Николай Клюев: путь от речи на Кургане до поэмы «Кремль», подготовленной библиотекой и Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. На конференции присутствовали представители Администрации города, управления культуры, сотрудники Национальной библиотеки РК, члены клуба «Литература. Искусство. Культура», карельские писатели и журналисты, а также те, кто интересуется русской литературой и творчеством Николая Клюева. Известные ученые, архивисты, журналисты, исследователи творчества русского поэта и философа Николая Клюева познакомили слушателей с его жизнью и творчеством. Кроме специалистов: Елены Ивановны Марковой, Марии Евгеньевны Неёловой, Ивана Константиновича Рогощенкова, Виктора Петровича Ершова, интерес к самобытному поэту проявляют читатели библиотеки, далекие от литературоведения. Постоянная участница встреч в библиотечном клубе «ЛИК» Галина Александровна Кривошеева познакомила слушателей с интереснейшим исследованием «Митинг на Кургане. Николай Клюев и старый Петрозаводск». Врач по профессии, она давно занимается краеведением и провела глубокую работу по исследованию материала о том, каким был Петрозаводск и микрорайон Кукковка в начале XX века. Доклад Галины Александровны сопровождался электронной презентацией по истории микрорайона Кукковка и мест, связанных с пребыванием здесь Николая Клюева.

Помимо представленных в сборнике материалов конференции, литературным критиком И.К. Рогощенковым был сделан доклад по теме: «Николай Клюев и революция», а также выступили известные карельские поэты: Иван Алексеевич Костин и Армас Иосифович Мишин со своими стихами о Николае Клюеве и переводами его стихов на финский язык.

Творчество Николая Клюева неразрывно связано с Севером. Книжная выставка, представленная на конференции была названа строчками поэта «И Север, лебедь ледяной...».

Настало время читать произведения Н. Клюева, обратиться к фактам его биографии, поговорить о сложности и непостижимости его личности, исследовать истоки и традиции его творчества. Предлагаем вниманию читателей, интересующихся литературой, культурой русского Севера, материалы научно-практической конференции «Николай Клюев: путь от речи на Кургане до поэмы «Кремль».

*Г.А. Сохнова
Зав.библиотекой-филиалом № 3 МУ «ЦБС» г. Петрозаводска*

Муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система»
Библиотека-филиал № 3 им. Н. Клюева
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

**Научно – практическая конференция
«Николай Клюев: путь от речи на Кургане до поэмы «Кремль»**

Темы докладов:

1. «Николай Клюев в Петрозаводске»
*Г.А. Кривошеева, врач поликлиники МВД,
читательница библиотеки-филиала № 3
им. Н.А. Клюева*
2. А.П. Никаноров. «Воспоминания о Сергее Есенине и Николае Клюеве». (по материалам Национального Архива РК)
*М.Е. Неёлова, ст. научный сотрудник НА РК,
кандидат исторических наук*
3. «Образы северорусских святых в поэзии Н.А. Клюева».
*А.А. Принцева, гл. хранитель фондов
Вытегорского музея «Подводная лодка Б – 440»*
4. «Я отдал дедовским иконам поклон до печени земной...» (Н. Клюев о крестьянской иконе)
*В.П. Еришов, доцент кафедры философии КГПУ,
кандидат педагогических наук*
5. «Поэт и вождь в поэме Николая Клюева «Кремль»
*Е.И. Маркова, ведущий научный сотрудник
ИЯЛИ КарНЦ РАН,
доктор филологических наук*
6. «Николай Клюев и революция»
И.К. Рогощенков, литературный критик

Галина Александровна Кривошеева, врач поликлиники МВД, читательница библиотеки-филиала № 3 им. Н.А. Клюева МУ «ЦБС».

Увлекается краеведением со школьных лет. Узнав о том, что Н. Клюев родом из Олонецкой губернии, заинтересовалась его поэзией и стала собирать материалы и книги о его жизни и творчестве.

Участвовала в проекте «Николай Клюев в Петрозаводске» библиотеки-филиала № 3 им. Н.А. Клюева МУ «ЦБС» и в республиканском конкурсе «Краевед-2008».

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Заметки краеведа

Великий русский поэт Николай Алексеевич Клюев родился 22 (10) октября 1884 года в деревне Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне Вологодской области). Центром губернии был город Петрозаводск. Безусловно, мне, как и другим петрозаводчанам, было интересно узнать, связан ли поэт с нашим городом. Первые 20 лет жизни Клюева представляют собой почти сплошное белое пятно: ни документами, ни свидетельствами современников мы не располагаем и вынуждены судить о детстве и юности поэта в основном по его собственным рассказам, относящимся к более позднему времени¹.

Узнаю, что о пребывании Николая Клюева в Петрозаводске имеются следующие документы:

- о его учёбе в фельдшерской школе в 1901-1902 годах в 17 лет,
- о заключении в Петрозаводской тюрьме в 1906 году,
- об участии в митинге на Кургане после выхода из тюрьмы.

Даже самое короткое заключение в тюрьме не может не оставить след в душе человека, поэт не может не написать об этом. А время учёбы, первая публичная речь в столице Олонецкого края? Упомянул ли Клюев о них в своих стихах?

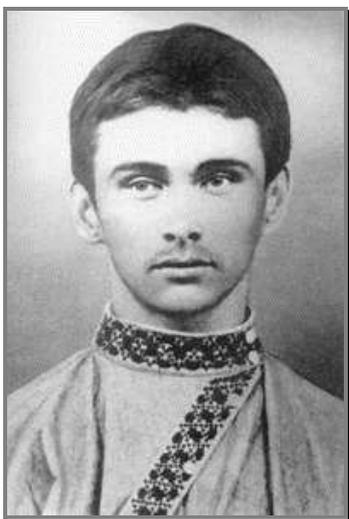
Но давайте сначала о фактах. Первые сведения о пребывании Клюева в Петрозаводске установил А. К. Грунтов, основываясь на архивном документе от 24 марта 1906 года. Это сведения о лице, привлечённом к дознанию. Со слов поэта записано, что он обучался «1 год в Петрозаводской фельдшерской школе, которую оставил по болезни»². Сам Николай Клюев практически не вспоминает об этом учебном заведении, что дало основание его земляку карельскому писателю Василию

¹Азадовский К.М. Николай Клюев. Путь поэта. – Л.,1990.

²НА РК, ф.19, оп.2, д.31/14, л.8

Фирсову усомниться в достоверности утверждений биографов поэта³. Но в 1999 году старший научный сотрудник Национального архива Республики Карелия Ида Семёновна Петричева обнаружила документ, подтверждающий, что с сентября 1901 года по апрель 1902 года Николай Клюев был учеником этой школы. До этого он учился в церковно-приходской школе и двухклассном городском училище в Вытегре.

Николай Клюев
1905 г.

Итак, в 1901 году Клюев становится воспитанником фельдшерской школы, которая открылась в Петрозаводске на средства земства за два года до его поступления «в доме Рутковского, недалеко от земской больницы»⁴. Обучение было платным для своекоштных (плата вносилась за каждое полугодие вперёд и не возвращалась).

Стипендиаты уездных и губернских земств от платы за учение освобождались. (Предстоит выяснить, являлся ли Николай Клюев стипендиатом или он учился за плату). Принимались лица мужского пола и всех сословий с удостоверением в удовлетворительных познаниях не ниже четырёх классов мужских гимназий и реальных училищ или полного курса городских и духовных училищ.

В седьмом параграфе устава школы говорится, что «воспитанники должны быть не моложе 16 лет и не старше 21 года». Курс обучения в фельдшерской школе был рассчитан на три года. Одновременно с будущим поэтом за парту сели 17 одноклассников: Алексеев, Бармин, Белоусов, Гоголев, Евсеев, Колпаков, Куликов, Ляхов, Мелехов, Никитин, Плотников, Подладчиков, Покровский, Севастьянов, Семёнов, Филимонов и Ярославцев. Во втором классе обучалось пять человек: Богданов, Мухин, Родичев, Сорокин и Фомин; в третьем – семь: Антонов, Евдокимов, Егоров, Знаменский, Смотрич, Соколов и Цикарев. Учебный год продолжался с 1 сентября по 22 апреля. Директором школы был назначен губернский инспектор медицины Максимилиан Николаевич Митрохин. Преподаватели: Александр Иванович Введенский, Иван Карлович Мейер, Николай Ильич Гуревич, Иосиф Маркович Рясенцев, Иван Дмитриевич Ломанский. Закон Божий вёл Иоанн Богословский.

При школе имелась общеобразовательная библиотека, физическая и химическая лаборатории, коллекция патологоанатомических препаратов, аптека для обучения изготовлению лекарственных форм.

В первом классе изучались:

- ботаника и зоология,
- физика,
- Закон Божий,
- анатомия и физиология,
- латынь,
- фармация и фармакогнозия.

³Фирсов В. Суждения и факты // Север. - 1996. - № 5–6. - С.152.

⁴Олонецкие губернские ведомости - 1899, 17 ноября.

Воспитанники фельдшерской школы жили в общежитии со строгим распорядком. Они были обязаны:

- посещать общественные богослужения в больнице или других церквях в воскресные и праздничные дни, а по возможности и всенощные накануне этих дней, кроме дней работы в больнице;
- вне школы носить фуражку с гербом установленного образца;
- позже семи часов вечера обязаны быть дома и выходить только с разрешения директора или надзирателя, ученикам третьего класса из-за вечерних занятий разрешалось выходить до девяти часов вечера;
- посещение театров и других публичных и увеселительных мест также допускалось только с разрешения директора;
- должны отдавать должное почтение, снимая фуражку и кланяясь при встрече с г. Начальником Губернии, Архиереем, Председателем и Членами Губернской Земской Управы, Губернским Врачебным инспектором, Директором, преподавателями и надзирателем школы.

Воспрещалось:

- посещать клубы, трактиры, маскарады и подобные учреждения;
- употреблять спиртные напитки, а также курить табак на улице и в общественных местах.

«На улице и во всех общественных местах учащиеся обязаны вести себя прилично, не нарушая общественного порядка; в противном случае чин полиции принимает в отношении их все общеполцейские меры с целью восстановления порядка».

Во время Рождественских праздников и на Масленицу в общежитии устраивались спектакли и танцевальные вечера, которые проходили «чинно без нарушения порядка». Проводился литературно – вокальный вечер с туманными картинками волшебного фонаря и граммофоном. Был устроен каток и другие «дозволенные удовольствия».

Но закончился первый год обучения. Педагогический совет фельдшерской школы на заседании 13 апреля 1902 года по рассмотрении степени успешности учеников школы, выразившееся общей годовой отметкой по каждому предмету, ... постановил допустить к экзаменам в настоящем учебном году всех воспитанников школы, за исключением учеников 1-го класса Клюева и Семёнова, получивших неудовлетворительные годовые отметки по трём специальным медицинским предметам. Названных воспитанников оставить на второй год⁵. Среди первоклассников Севастьянов Иван получил награду I степени, Белоусов Иван, Куликов Георгий и Покровский Иван – II-ой степени. Двум предстояла переэкзаменовка по двум предметам и троим по одному. В следующем учебном году во втором классе обучалось на пять человек меньше. Фамилия Клюева в списках учащихся школы уже не упоминается.

Но я думаю, что этот год учёбы в фельдшерской школе не прошёл бесследно для будущего поэта. В стихах Клюева часто присутствуют картины животного и растительного миров. Может быть, уроки зоологии и атлас по ботанике А. Генкеля сыграли здесь не последнюю роль? На страницах клюевских стихов образы животных и растений встречаются более чем в два раза чаще, чем в стихах Блока и

⁵НА РК, ф.119, оп.2, д.1/2, л.23.

Есенина вместе взятых, хотя количество стихотворных строк, взятых исследователями для анализа, у Николая Клюева в девять раз меньше⁶.

А ощущение знания строения тела человека? Перечитайте, например, стихотворение «Я здесь», - ответило мне тело», и вы убедитесь в правильности моих слов.

Новая встреча с Петрозаводском произошла у Клюева спустя четыре года. Что же представлял собой наш город в 1906 году? В столице Олонецкой губернии проживало около 14 тысяч человек. Насчитывалось домов жилых каменных – 38, деревянных – 1368. Действовали заводы: Александровский чугунолитейный, лесопильный, 3 – кирпичных и свечной; спичечная фабрика, 2 типографии, 2 больницы и 3 аптеки, 2 музея и 2 фотографии, Алексеевская библиотека и 4 книжные лавки. Телефонная станция обслуживала 101 абонента. Сообщение с Санкт-Петербургом водным путем обеспечивало Онежское пароходное общество. Между двумя городами курсировали пароходы «Кивач», «Олонец», «Свирь» и «Петербург». В городе функционировали 15 православных церквей, лютеранская кирха, католический костёл и синагога. Посмотрите на снимки старого города: Владимировская набережная, Общественная пристань, Соборная улица, Соборная площадь, Святодуховский собор, мужская и женская гимназии, памятник Александру II, Алексеевская публичная библиотека, Гостиный двор, Мариинская улица, Александровский завод, Круглая площадь (губернаторский дом и здание присутственных мест, памятник Петру I), Гоголевская улица, Святнаволоцкая, Левашовский бульвар, Гористая улица. Примерно таким мог увидеть Клюев наш город как в 1902, так и в 1906 годах.

Из уведомления петрозаводского полицмейстера в Олонецкое Жандармское Управление от 28 мая 1906 года следовало, что 27 сего мая доставлен в Петрозаводскую Губернскую тюрьму крестьянин Николай Алексеевич Клюев после четырёх месяцев заключения в Вытегорской тюрьме по обвинению в антиправительственной пропаганде⁷. В 1923 году поэт вспоминал об этом времени: «Начальство почитало меня опасным и “тайным”. Когда перевозили из острога в губернскую тюрьму, то заковали меня в ножные кандалы. Плакал я, на цепи свои глядя. Через годы память о них сердце мне гложет...»⁸. Волей – неволей губернскую тюрьму узник разглядел.

Позволим себе справку об этом заведении.

В 1862 году на окраине Петрозаводска, известной в обиходе как Сенаторка, в квартале, образованном улицами Никольской (Красная), Гористой (Антикайнена), Святнаволоцкой (пр. Ленина) и Большой Закаменской (Герцена) появилось здание, названное Тюремным замком и рассчитанное на 47 арестантов. В «Обзоре Олонецкой губернии за 1906 год», анализируя состояние тюрем в губернии, отмечалось, что «по благоустройству лучшая тюрьма в Петрозаводске – каменная, двухэтажная». В 1900 году к Тюремному замку был пристроен женский флигель, но из-за отсутствия служащих не сразу стал использоваться по назначению. Начальник тюрьмы жил под одной крышей с арестантами в служебной квартире. Позже ему разрешили построить близ ограды деревянный флигель, а в освободившемся

⁶Николаева В.И., Солоненко В.Г. Мир природы в поэзии Н.А. Клюева // XXI век на пути к Клюеву. – Петрозаводск, 2006. – С. 143-152.

⁷НА РК, ф.19, оп.2, д.31/14, л.15.

⁸Клюев Н. Словесное древо. - СПб., 2003. - С.42.

Соборная площадь (пл. Кирова) и памятник Александру II

Вид на городскую пристань с ул. Соборной. 1910-е гг.

помещении была устроена больница на пять коек. Медицинскую помощь заключённым оказывали врачи безвозмездно.

Церковь во имя Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость, тёплая и крепкая, располагалась на втором этаже тюремного корпуса. Она была построена на земские сборы и открыта 17 марта 1863 года, освящена в этот же год (точная дата не известна). Утварью скорбященская церковь не богата. Из причта только один священник. Под навесом здания для благовеста церковного были укреплены три небольших колокола. 24 октября – храмовый праздник этой церкви.

В тюрьме была своя библиотечка, собранная горожанами и священником домово́й церкви на пожертвования прихожан. Здесь имелись книги духовного содержания, такие как «Новый Завет» на русском языке, «Избранные жития святых на Руси» в 12 книжках, «Первые века христианства и распространение его на Руси», «О Святой земле», «Святые Кирилл и Мефодий».

В числе исторических книг: «Рассказы про старое время» Петрушевского, «Народы России» Максимова, книги о татарском погроме, о Святом Александре Невском и Петре Великом, о царевице Дмитриии и Борисе Годунове. Имелись также познавательные книги, такие как «О том, что происходит в воздухе и что нужно знать из этого земледельцу», «О неподвижных звёздах и планетах», «Об извержениях и землетрясениях», «Руководство к изучению грамоты», «Задачник Валенса», «Краткое руководство к техническому производству» и другие. Конечно, были и нравоучительные книги: «Поучения к подсудимым, осуждённым и ссыльным», «Честность всегда полезна», «О семье – мужьях и жёнах», «Как воспитывать и охранять детей», «Питьё и крепкие напитки», «Одежда и чистоплотность», «О сохранении силы и здоровья».

С введением в России земства стали в обязательном порядке в губерниях создаваться «Тюремные комитеты», в обязанность которых входило «внутреннее устройство и содержание в исправности мест заключения, продовольствие арестантов улучшенною пищею, снабжение их постельными принадлежностями, исправление нравственности заключённых, обучение их грамоте, сооружение церквей и содержание их в должном благолепии, занятие арестантов разными работами и рукоделиями, и с этой целью устройство в тюрьмах разного рода мастерских и проч.». В «Обзоре Олонецкой губернии за 1906 год» отмечалось, что «по кормовой табели на содержание арестантов в 1906 году отпущено было из сумм казны по 8 копеек в сутки». Для сравнения: наёмная плата чернорабочим зимой составляла 60–70 копеек для мужчин и 15–20 копеек для женщин. Рабочий цеха углежжения на Александровском заводе получал 50 копеек в день. При этом 1 фунт пшеничного хлеба стоил 4 копейки, 1 фунт соли – 1 копейку, 1 фунт лучшего мяса – 18 копеек, а худшего – 10. При тюрьме имелся огород, урожай с которого поступал в общий котёл. С 1886 года для арестантов ввели обязательную трудовую повинность. Они сами готовили пищу, пекли хлеб, носили воду из Неглинского колодца, пилили и кололи дрова, топили печи, убирали камеры и тюремный двор, принимали участие в озеленении Левашовского бульвара и Мариинки. При тюрьме действовала мастерская, где шились мундиры для надзирателей всех тюрем губернии, суконные армяки, шаровары, юбки, шапки, мужские рубахи, порты из подкладочного холста, тиковые сарафаны. Также шилась обувь: сапоги, туфли, штиблеты. Производилась обшивка ручных и ножных кандалов кожей, вязались на вольную продажу рыбацкие сети, плелись из мочала коврики, делались половые щётки и сумки для

провизии, изготовлялись бочонки, кадки и кадушки. Арестанты имели рабочие книжки, где фиксировался объём выполненных работ и их стоимость. При освобождении часть заработанных денег выдавалась «на руки».

На тюремной площади, напротив главных ворот, в двухэтажном деревянном особняке, арендованном у купца Г.Е. Пименова, размещалось Олонецкое губернское жандармское управление. Это здание с садом, где росли яблони и вишни, окружал высокий забор.

26 июля 1906 года Клюев был освобождён. Но тема заключения неоднократно звучит в стихах поэта, что объяснимо. За короткое время – три тюрьмы – в Вытегре, Петрозаводске за отказ выполнять воинскую повинность. Его «Прогулка», «На часах», «Я надену чёрную рубаху» навеяны, возможно, и воспоминаниями о Петрозаводском остроге:

Двор, как дно огромной бочки,
Как замкнутое кольцо,
За решёткой одиночки
Чьё – то бледное лицо.

(«Прогулка», 1907 год)

На часах у стен тюремных,
У окованных ворот,
Скучно в думах неизбежных
Ночь унылая идёт.
Вдалеке волшебный город,
Весь сияющий в огнях,
Здесь же плит гранитных холод
Да засовы на дверях.
Острый месяц в тучах тонет,
Как обломок палаша:
В каждом камне, мнится, стонет
Заклочённая душа.

(«На часах», 1907 год)

Я надену чёрную рубаху
И вослед за мутным фонарём
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо – ласковым лицом.

(«Я надену чёрную рубаху», 1908 год)

После выхода из тюрьмы Николай Клюев встречается с членами группы РСДРП, сформированной в Петрозаводске в начале мая 1906 года. В неё входило около 20 человек. Среди них – рабочие Александровского завода Николай Григорьев и Василий Егоров, наборщик типографии Каца Лазарь Яблонский, учитель Георгий Поляков, девятнадцатилетняя студентка Бестужевских курсов Галина Тушовская. Одним из организаторов Петрозаводской группы социал-демократов был студент Петербургского университета Александр Копяткевич, позже – корреспондент газеты «Правда», член Петроградского совета.

13 июня 1906 года на Садовой (ул. Кирова) в доме Селиверстова была открыта книжная лавка, которая стала местом нелегального распространения политической литературы социал-демократов.

**Группа членов Петрозаводского комитета РСДРП.
1906г.**

Социал-демократическая группа приняла участие во встрече Клюева по выходе его из тюрьмы и пригласила поэта на митинг, организованный на Кургане⁹. И так, складывается такая картина. Высокая гора, называемая в народе Курган, находясь в версте от города, служила местом сбора рабочих для проведения митингов и собраний. 3 августа 1906 года на её плоской вершине собралось где-то 300–400 человек. В центре стоял поклонный крест высотой около 4,5 сажень, что соответствует 8,5 метрам. К сожалению, мне не удалось установить его точное местонахождение. В Петрозаводской епархии, куда я обратилась, нет сведений об этом. Но мне сказали, что очень часто поклонный крест устанавливался на самой высокой точке населённого пункта, как это видно на фото, где изображён поклонный крест в Панаярви.

Возможно, в скором времени мы будем точно знать место, где был установлен крест на Кургане, тогда узнаем, где произнёс свою речь Николай Клюев. Помочь нам в этом может и свидетельство журналиста газеты «Олонецкий край». Эта газета издавалась с июля 1906 года, и вышло всего 13 номеров. Затем, она, как либеральный (оппозиционный) орган печати, была закрыта. Автор заметки «Митинг на Кургане» от 13 августа К. Лемаль (псевдоним работника лаборатории Александровского завода Константина Самцова) писал: «Высок курган, вершина его

⁹Копятевич А. // Карело-Мурманский край. - 1926.- №21 - С.19; Олонецкий край. - 1906. - 13 августа; 1905 год в Карелии. – Петрозаводск, 1926. - С.5, 55-56; НА РК, ф.1, оп.5, д.18/300, л.67,75; ф.19, оп.1, д.3/42, л.79-80; Промышленные рабочие Карелии в 20 веке - Петрозаводск, 1991. - С.29.

осенена крестом – символом смерти Учителя униженных и оскорблённых. Чудный вид раскидывается перед многочисленной толпой участников митинга. В солнечном свете нежится чудная ширь, – в глубокой синей дали виднеются заонежские острова, белеет Климецкий монастырь. В другой стороне видна река Шуя, видны озёра, текущие цепью меж высоких лесных холмов. Чудная картина, не оторвал бы от неё глаз. У креста, на груде камней, несколько возвышаясь над толпой, стоит человек, и речь его далека от этих красот природы. Все ему жадно внимают: «...Я шесть месяцев просидел в тюрьме только за то, что сказал крестьянам, что есть лучшая жизнь на земле, что есть средства бороться с тиранией!...»

Исследователь творчества Клюева К.М. Азадовский считает, что в этой заметке воспроизведено выступление поэта и написана она, «судя по некоторым признакам, не без его участия». Александр Копяткевич, выступивший на этом митинге с призывом организовать помощь политическим ссыльным, назвал речь Клюева «апостольской», так как поэт, обращаясь к собравшимся, называл их «дорогие братья и сестры». Более 60 своих революционных стихотворений Николай Клюев подарил Копяткевичу, но они были утрачены. Известно, что на митинге выступал непременно участник рабочих манифестаций 1906 года, торговец, беспартийный Фёдор Семёнов. Он агитировал отказаться от службы в царской армии и не платить подати. Во время митинга рабочий Александровского завода Василий Егоров водрузил на кресте красный флаг. И, может быть, как воспоминание об этом дне звучит у Клюева строка – сравнение «Поле Марсово – красный Курган». Клюев был человеком глубоко религиозным. И даже в кругу революционеров он не забывал о своём главном предназначении – нести народу слово правды. Может, тогда и родились эти строки:

Я был в духе в день воскресный,
Осенённый высотой,
Просветлённо – бестелесный
И младенчески простой.

Видал ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы
Путеводно – млечный перст.

Источая кровь и пламень,
Шестикрыл и многолик,
С начертаньем белый камень
Мне вручил Архистратиг.

И сказал: “Венчайся белым
Твердокаменным венцом,
Будь убог и тёмн телом,
Светел духом и лицом...”

Не привиделось ли («видения» у него были не раз) поэту здесь, у креста, его будущее: поэтические прозрения, страшные испытания и казнь? Может быть.... Но, предвидя это, он всё же принял свою судьбу:

Верен ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошёл к земному долу,
Полон звуков и огня.

*Автор выражает благодарность за консультативную помощь при подготовке материала:
Елене Ивановне Марковой, зав. сектором литературы ИЯЛИ КарНЦ РАН
Иде Семеновне Петричевой, ст. научному сотруднику НА РК
Николаю Алексеевичу Кораблеву, ст. научному сотруднику сектора истории ИЯЛИ КарНЦ
РАН*

Список сокращений:

НА РК – Национальный архив Республики Карелия
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного
центра Российской Академии наук

Мария Евгеньевна Нейлова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела использования документов Национального архива РК.

«Работая над выставкой "Документы деятелей культуры в фондах Национального архива РК", я обратила внимание на интересные воспоминания поэта и журналиста Антипа Павловича Никанорова о С. Есенине и Н. А. Клюеве, и посчитала необходимым представить их на выставке. Теперь появилась возможность ознакомиться с воспоминаниями А. П. Никанорова всем тем, кто любит творчество великих русских поэтов».

А.П. НИКАНОРОВ. ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ И НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

По материалам Национального Архива РК

В Национальном архиве Республики Карелия находится на хранении личный фонд поэта Антипа Павловича Никанорова. Объем фонда небольшой и содержит 52 дела, среди которых рукописи и изданные произведения А. П. Никанорова, статьи, заметки, воспоминания, вырезки из газет и т. д. Документы А. П. Никанорова в 1982 г. были переданы в архив А. К. Грунтовым, которого Никаноров в своих воспоминаниях называл старым другом¹.

Никаноров Антип Павлович родился 11 апреля 1892 г. в дер. Частово Устьволенской волости Крестецкого уезда Новгородской губернии в многодетной крестьянской семье.

В последующие годы он жил в г. Любани Петроградской губернии, г. Ленинграде и г. Петрозаводске. В 1919 г. учился в Педагогическом институте им. А.Н. Герцена на курсах подготовки учителей школ 1-й ступени, в 1924 г. занимался в литературной студии Дома искусств в г. Петрограде. В начальный период своей трудовой деятельности и на протяжении многих лет А. П. Никаноров работал дежурным по станции в г. Ленинграде Октябрьской железной дороги, а затем длительное время, начиная с 1930 г. и до выхода на пенсию, продолжал работать рабочим корреспондентом и журналистом в редакциях многотиражных газет Октябрьской (Кировской) железной дороги: «На рельсах», «Голос ударника» и «Кировская магистраль».

Статьи, заметки и стихи А.П.Никанорова публиковались в периодической печати, начиная с 1917 г., а в 1916 г. и 1921 г. было издано два сборника его стихотворений.

---

¹НА РК, ф. Р-3643, оп. 1, д. 3/31, л. 22.

Находясь на пенсии, он работал в Карельском научно-исследовательском институте лесной промышленности, продолжал заниматься литературной деятельностью. Умер А. П. Никаноров в 1979 году.

В начале 1920-х гг. А. П. Никаноров неоднократно встречался с известными деятелями литературы и искусства. Воспоминания А. П. Никанорова «Две встречи», написанные в 1965 г., посвящены поэту С. А. Есенину, с которым он встретился в книжном магазине, а затем присутствовал на его поэтическом вечере.

Воспоминания «Несколько слов о Николае Клюеве» не датированы, однако можно предположить, что время написания относится также к 1965 году. А. П. Никаноров пишет о беседе с ответственным секретарем газеты «Голос ударника», издававшейся в Волховстрое А. С. Яриловым, который был знаком с Н. Клюевым.

Две встречи²

В Петрограде я появился в 1919 году, жил на Пушкинской улице, учился в институте им. Герцена, на курсах подготовки учителей школ первой ступени.

Так как аудитории отапливались не всегда (только после samozаготовки дров в лесу), то мы большей частью сидели в пальто с поднятыми воротниками.

Уйдя из института, я остался жить в Петрограде и работать на транспорте. Сменное дежурство позволяло изучать революционный город, посещать многочисленные музеи, достопримечательности, книжные магазины, которых было много на Невском и Литейном проспектах.

Шел 24-ый год. Любя ходить по городу, я зашел в книжный магазин Ясного, находящийся на углу Невского и Фонтанки, у Аничкиного моста, знаменитого четырьмя конскими фигурами и мужественным укротителем. Это были неповторимые творения Клодта.

Увлечшись просмотром потребованных книг, я вдруг услышал возле себя шепот:

– Смотрите: Есенин выбирает книги!

Два гражданина уже смотрели в другой конец магазина, где, возле прилавка, стоял Сергей Есенин перед кипой книг.

Мне пришлось прекратить просмотр книг и направить внимание на человека, написавшего знаменитое «Письмо матери», которое пели во всех уголках России: «Ты жива еще, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет!»

Не обращая внимания на остальных посетителей магазина, поэт молча перебирал книги. Я наблюдал за ним издали. Невысокого роста, льняные волосы, серая кепка с пухлым верхом. «Обаятельная фигура», - подумал я. Есенин неторопливо перечитывал заглавия, оглавления, просматривал страницы.

Я подошел ближе, стал просматривать надписи на корешках книг, искоса поглядывая на того, чьи строки вспоминал тогда: «Звени, звени, золотая Русь, волнуйся неумный ветер!»

Взглянув на отложенные им книги, я прочел: «Ад» Августа Стринберга³, «Анатэма» Леонида Андреева. Вот, думаю, что не нравится поэту из Рязани.

²В тексте соблюдается авторская пунктуация

³Стриндберг Август Юхан (1849-1912), шведский писатель.

**Сергей Есенин и Николай Клюев
Петербург. 1915г.**

**Сергей Есенин и Николай Клюев
Петербург. 1916г.**

Набрав стопку книг, Есенин положил наверх томик «Персидские лирики» и сказал продавцу:

– Подсчитайте, пожалуйста, за все это. Я уплачу, но за книгами заеду завтра: сейчас они меня затруднят, ибо должен еще побывать в двух местах.

– Хорошо, Сергей Александрович, все устроим, – ответил продавец.

Из этого обращения стало понятно, что покупатель хорошо известен работникам книжного магазина.

Вышел я из магазина вслед за Есениным, чтобы побольше полюбоваться талантом, рожденным Рязанской губернией, но вскоре потерял его в широком человеческом потоке, шагающем по Невскому проспекту.

Вторая встреча с Есениным произошла на Большой Самсоньевской улице⁴, в квартире Павловых, имевших солидную библиотеку и большой читальный зал.

О выступлении здесь Есенина я случайно узнал в Доме искусств, где находилась наша литературная студия.

– Хорошо бы побывать на этом вечере, – сказал кто-то, – но без приглашения не пойдешь.

– А попробовать! – предложил я.

– Нужно много смелости, чтобы войти туда, где нас не ждут. А если поднимут на смех, что тогда? – отрезал мечтатель.

Но мне очень хотелось послушать Есенина, своеобразного крестьянского поэта, быстро приобретающего известность в литературном Петрограде.

И я пошел на вечер Сергея Есенина, надеясь на удачу. Этот вечер следовало считать камерным, так как афиш не расклеивалось.

Отыскиваю дом на Большой Самсоньевской улице, звоню в квартиру Павловых. Открывается дверь.

– Здравствуйте, – говорю, – вечер еще не начался?

– Нет, нет. Проходите, пожалуйста, раздевайтесь!

Я был рад тому, что, не имея пригласительного билета, оказался среди радушных людей, любивших художественное слово так, как любит солнце все живущее на земле.

В читальном зале было шумно, раздавались взрывы смеха. Среди многочисленных собравшихся я заметил знакомых: поэтессу Ирину Одоевцеву, Рюрика Ивнева, Ландау, Чернявского, Струве и других молодых представителей литературного Петрограда⁵.

Через некоторое время кто-то громогласно произнес:

– Товарищи, необходима тишина!

Все смолкло. Превратив библиотечную раздвижную лестницу в импровизированную трибуну, Есенин поднялся на нее и поднял руку.

И полились стихи о рыжем месяце-жеребенке; о том, что в «саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть»; о такой же простой, «как все, как сто тысяч других в России»; о том, как хромой красноармеец,

⁴ул. Большая Сампсониевская Выборгского района г. Петрограда, ныне пр. К. Маркса. Рассказ об этой встрече вызвал сомнение известного специалиста по творчеству С.А. Есенина С.И. Субботина. Он нашел, что А.П. Никаноров на свой лад пересказал опубликованные воспоминания современников поэта. Но, возможно, А.П. Никаноров ошибся в датировке встречи. В это время названные им лица уже эмигрировали из Советской России. В любом случае эта запись интересна, ибо отражает страстное желание его читателя-почитателя быть рядом с поэтом.

⁵Рюрик Ивнев, В. С. Чернявский, К. Ю.Ляндау, М. А. Струве – группа молодых петроградских поэтов, с которыми близко сошелся С. А. Есенин еще в марте-апреле 1915 г. См.: Есенин С. ПСС в семи томах. М. - 1995. - С. 509.

В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

Навсегда запомнился мне поэтический афоризм Есенина:

Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок!

Одно стихотворение сменялось другим. Было впечатление: запел «соловей», и хорошо бы, если бы пел он подольше. Интересно было наблюдать отзывчивость слушателей. После некоторых стихов следовали дружные аплодисменты, а после иных наступала тишина. Это означало, что все посетители задумывались над некоторыми строками, в которых ощущался пессимизм поэта.

После «антракта», длившегося около полчаса, чтение стихов продолжалось. Снова все мы получали огромное удовольствие от красот и картин, изображаемых крестьянским поэтом, приехавшим в Петроград знакомить горожан с жизнью Рязанской деревни.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком.

Есенин читал свои стихи очень хорошо: громко, отчетливо, подчеркивая главные слова. Некоторые стихи произносил наизусть, другие читал по листкам.

Новые метафоры, неожиданные эпитеты, рельефное изображение пейзажей; пристальная внимательность есенинского взгляда к окружающему, искренность и простота, – все говорило о беспредельной любви Есенина к природе и человеку. Революционные настроения поэта, помню, отмечал в своей статье А. В. Луначарский.

Мы вслушивались в музыкальные, задушевные строки Есенина, нас всегда захватывала и волновала его поэтическая мысль – особенная, своеобразная, чарующая, несравненно живее и правдивее монотонных стихов городских поэтов.

Во время чтения и в краткие минуты перерывов некоторые слушатели записывали в блокноты понравившиеся строки стихов Есенина. Потом это обсуждалось, хвалилось или считалось «слишком резким». Но никогда никто не говорил, что это неудачно. Слышалось:

– Только так или никак. Лучше не скажешь! И спорить здесь не о чем. Мазки Есенина неповторимы.

В моем старом блокноте я нашел конец прекрасного стихотворения Есенина «Русь советская», посвященного А. Сахарову. Оно было написано им в 1924 году – в предпоследнем году своей короткой жизни. Поэт писал:

Цветите юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,

Когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Таков был и остается для нас Сергей Есенин – любимый поэт старой и новой России.

У меня хранится вырезка из газеты – фото «Сергей Есенин и Айседора Дункан». На этой фотографии Есенин именно такой, каким я видел его в квартире Павловых на Большой Самсоньевской улице в Петрограде.

Этой фотографией я очень дорожу.

Декабрь 1965 г.
НА РК, ф. Р-3643, оп. 1, д. 5/46, 13 л.

А. Никаноров

Несколько слов о Николае Клюеве

Последние три-четыре года до Великой Отечественной войны (до 1941 года) я работал в редакции железнодорожной газеты «Голос ударника», издававшейся в Волховстрое.

Ответственным секретарем был Александр Степанович Ярилов. Ему я всегда помогал не только выправлять заметки, но вести корректуру гранок и первых полос газеты после правки на печатной машине плоского типа.

В типографии в то время все набиралось ручным способом, ибо лино типа не было. Работы, следовательно, было много.

Однажды, в ожидании первых оттисков с печатной машины, зашел разговор о поэзии. Александр Степанович Ярилов (ныне покойный: разбился, упав с мотоцикла) рассказывал о своей работе в Вытегре, в местной газете, о близком знакомстве с поэтом Николаем Клюевым.

Беседа наша была недолгой. И вот что я узнал от Ярилова.

Клюев, оказывается, был в Персии и Индии. Об этом свидетельствовали подарки: статуэтки, небольшие предметы домашней утвари и ковры, привезенные из этих стран. Все это Ярилов видел, бывая на квартире Клюева, где восторгался искусством ткачей Персии и Индии.

От кого именно были получены эти экзотические сувениры, за что – сказать не могу. Возможно, что Ярилов не рассказывал об этом; возможно, что рассказывал, но я забыл. Ведь за четверть века после этой краткой беседы можно забыть многое.

По своей ли инициативе ездил Клюев за рубежи Родины; на средства ли государства, – не сумею сказать. За это не обвиняю свою память, ибо Ярилов не доверил ей таких важных дат. Если бы доверил, то память хранила бы их, как хранит десятки дат, касающихся многих исторических личностей.

Помню, что Ярилов рассказывал о дружбе Клюева с Сергеем Есениным, которому написал даже стихотворение с эпиграфом после заглавия: Сергею Есенину, православнейшему христианину Руси и т.д. Это стихотворение я потом читал в журнале «Страда» и еще где-то. Он очень колоритно, в манере чисто клюевского изложения. Читаешь, но все время чувствуешь любовь автора к тому, к кому он обращается. Это стихотворение я с удовольствием бы прочел сегодня: так помнится его прежнее обаяние.

В каких городах Персии и Индии выступал Клюев, выступал ли вообще, где и как жил, с кем встречался – не скажу. Возможно, что Ярилов не говорил об этом, ибо его воспоминания длились не часы, а некоторое время: 30-40 минут.

О стихах, написанных о Персии и Индии, Ярилов не упоминал. А так хотелось бы сравнить его стихи (если они были) с великолепными стихами Есенина «Персидские мотивы».

Со слов Ярилова было видно, что Николай Клюев был человеком нежного сердца, очень любознательным, влюбленным в Русь и в природу, и в крестьянство, из которого он вышел на литературную дорогу, мало воспетую поэтами-самородками царской России.

Вот все, что я могу сказать через двадцать пять лет после краткой беседы о Николае Клюеве – поэте, известном в свое время, но теперь напрасно забытом. Чувствую, что его поэзия способна и сейчас чаровать любителей художественного слова.

Александра Александровна Принцева – главный хранитель фондов музея «Подводная лодка – Б 440» в г. Вытегра.

«Заинтересовалась творчеством Николая Клюева потому, что являюсь его землячкой, к тому же несколько лет работала в музее Н. Клюева. К счастью мой интерес был поддержан проф. КГПУ А.В. Пигиным, ставшим научным руководителем моей дипломной работы, фрагмент из которой представлен в сборнике».

ОБРАЗЫ СЕВЕРНОРУССКИХ СВЯТЫХ В ПОЭЗИИ Н.А. КЛЮЕВА

Как известно, жития святых были «лучшим родом проповеди, наиболее понятным для народа и более всего любимым им...»¹. Клюев выбрал для себя именно проповедь для продвижения своих идей в мир. При помощи знакомой народу темы легче всего влиять на его умы, именно поэтому Н.А. Клюев часто включает в свои произведения образы святых, воплощающие в себе определенную, волнующую автора проблему.

В стихах Клюева, начиная с 1907 года, эти образы встречаются очень часто. Это и византийские, и русские святые. Среди русских святых большое внимание Клюев уделяет севернорусским. Святые Русского Севера появляются в поэзии Клюева с 1914 года. В числе любимых были Зосима и Савватий Соловецкие. Они считались одними из самых почитаемых местных святых, поэтому в числе самых распространенных именовании севернорусских храмов были и храмы в честь Зосимы и Савватия². Известный исследователь В.В. Лепяхин указывает на то, что среди икон, принадлежащих Клюеву, была и икона Соловецких подвижников³. Это не удивительно, так как Соловки для поэта имели очень большое значение.

В юности, как вспоминает сам Клюев, в Соловках он жил два раза. «В самой обители жил больше года без паспорта, только по имени – это в первый раз; а во второй раз жил на Секирной горе»⁴.

В поэме «Песнь о Великой Матери», где есть автобиографические мотивы, Прасковья (мать Клюева) велит Николеньке идти спасаться в Соловецкий монастырь:

Николенька, тебе синица
Нащебетала лапотки
И легкий путь на Соловки
К отцу Савватию с Зосимой,
Чтоб адамантовою схимой
Тебя укрыть от вражьей сети!..⁵

¹Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. - Казань, 1881. - С. 3.

²Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. - Вологда, 1992. - С. 19.

³Лепяхин В.В. Икона в русской художественной литературе. - М., 2002. - С. 513.

⁴Клюев Н.А. Гагарья судьбина. // Клюев Н.А. Словесное древо. - Проза. СПб., 2003. - С.32.

Клюев не раз указывал на старообрядческие корни своего рода, это оправдывает его паломничество на Соловки⁶, ставшие в его эпоху новоправославным монастырем, однако Выговская старообрядческая пустынь «считала себя непосредственной преемницей Соловецкого монастыря, открыто выступившего против реформы Никона <...>

Зосима и Савватий пользовались на Выгу особенным почитанием. <...> им выговские книжники посвятили 8 похвальных слов собственного сочинения»⁷. Е.М. Юхименко указывает на наличие на Выговском деисусном чине изображения Зосимы и Савватия, что объясняет двумя причинами: преемственностью Выговского общежития по отношению к Соловкам и наличием придела этих святых в одной из главных часовен Выговской пустыни – Богоявленской⁸.

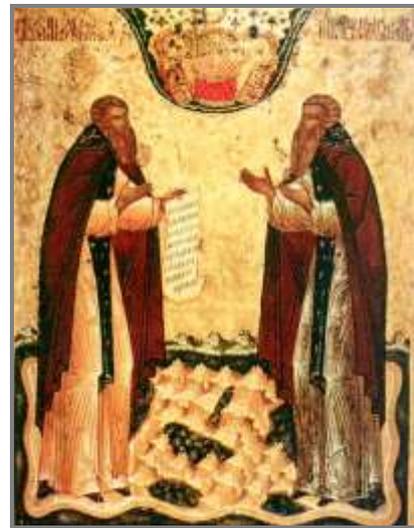
Кроме всего прочего, Соловецкий монастырь вошел в сознание русского народа надолго в связи с его тюремной функцией. «В XVIII – XIX веках в монастырских тюрьмах стали размещать раскольников, сектантов, убийц и преступников <...> Соловки стали второй по счету живой могилой после таковой же, приспособленной в городе Суздале, в тамошнем Спасо-Евфимиевском монастыре»⁹.

В связи с такой популярностью Соловков и ролью монастыря в своей жизни, Клюев посвятил данной обители небольшую поэму «Соловки», опубликованную в 1989 году. Поэма была написана в 1926 – 1928 годах сразу после поругания мощей Зосимы и Савватия в 1925 году и превращения обители в концлагерь¹⁰. Поэт вспоминает здесь муки «трехсот старцев и семисот собратий».

Зосима и Савватий – основатели Соловецкой обители, одни из немногих русских святых, имеющие день памяти в народном календаре. Крестьяне отмечали день Зосимы и Савватия как праздник пчеловодов.

Подобное понимание функции данных святых никак не отразилось в творчестве Клюева. Однако в поэме «Погорельщина» поэт называет святых: «озер отцы». Житие святых рассказывает нам о том, как святые не раз помогали мореплавателям и рыбакам вблизи острова уже после своего успения¹¹. Подобный мотив отражен и в иконографии. На иконе «Зосима и Савватий с житием» на житийных клеймах по бокам иконы святые изображены сидящими в ладье с парусом, несмотря на то, что при жизни преподобные не были знакомы.

Святые Соловецкие подвижники закрепились в сознании поэта непосредственно с церковной точки зрения и совсем не отвечают народным поверьям. Образы святых

Преподобные Зосима и Савватий
Соловецкие

⁵Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. - СПб., 1999. - С. 771-772.

⁶Клюев Н.А. Праотцы. // Клюев Н.А. Словесное древо. - Проза. - СПб., 2003. - С. 45.

⁷Культура староверов Выга. К 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития. - Петрозаводск, 1994. - С. 7.

⁸Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. - М., 2002. - Ч. 1. - С. 188.

⁹Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. - С. 67, 68.

¹⁰Русский народный православный календарь. / сост. В.В.Усов. - М., 1997. - С. 416.

¹¹Житие преподобных Зосимы и Савватия Соловецких // Библиотека литературы Древней Руси. XVI век. - СПб., 2005. - Т. 13. - С.101, 103, 131.

Зосимы и Савватия Клюев рисует именно как преподобных, иеромонахов. Это видно хотя бы по тому, что в двух случаях упоминания святых (в поэме «Соловки» и поэме «Погорельщина») в руках они обязательно держат кацеи:

Преподобные Изосим и Савватий
С кацеями бродят по волнам...
Один Зосим, другой Савватий,
В перстах златые кацеи...¹²

«Кацея – древний вид кадила в виде ковша с длинной рукояткой, применялась на Руси вплоть до VII века»¹³, являлась непременным атрибутом служащего священника.

Через трагическое описание образов этих святых поэт передал духовное падение России.

В поэзии Клюева часто встречается мотив ухода святых, отражающий духовную гибель Руси. Зосима и Савватий Соловецкие принадлежат у Клюева к числу святых, покидающих икону, написанную перед смертью иконником Павлом, и отправляются в горний мир:

«...О человеке Алексие!
Вези нас в горную Россию,
Где Богородица и Спас
Чертог украсили для нас!»¹⁴

(«Погорельщина»)

Зосима и Савватий не единственные Соловецкие подвижники, упомянутые в поэзии Клюева. В поэме «Соловки» вместе с основателями Соловецкой обители поэт вспоминает и Елеазара Анзерского. Елеазар – пострижник Соловецкого монастыря, основатель Анзерского скита, «один из наиболее почитаемых на Севере местных святых, автор «свитка» - автобиографического жития, наставлений для иноков, иконописец, резчик по дереву, основатель и собиратель Анзерской библиотеки»¹⁵, «которая впоследствии была передана в Соловецкий монастырь»¹⁶.

Примечательно, что Елеазар постригал в монахи московского священника Никиту и дал ему имя Никон. Впоследствии Никон стал патриархом Всея Руси. Словарь книжников и книжности Древней Руси упоминает старообрядческую легенду, по которой Елеазару было видение о змее на шее Никона во время службы¹⁷.

В «Соловках» Клюев в нескольких строках смог вместить горькое оплакивание Елеазаром утраченной соловецкой святости:

Ты, пустыня, мать-пустыня,
Высота и глубота!
На ключах – озерных стынях –
Нету лебедя-Христа!...¹⁸

¹²Клюев Н.А. Сердце Единорога. - С. 669, 680.

¹³Словарь церковных терминов / сост. Д. Покровский. - М., 1995. - С. 68.

¹⁴Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С. 680.

¹⁵Словарь книжников и книжности Древней Руси. - СПб., 1992. - Вып. 3. Ч. 1. (XVII в.). С. 300.

¹⁶Гарнин В.П. Примечания // Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. – СПб., 1999. - С. 974.

¹⁷Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 301.

¹⁸Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С. 669.

Соловецкий монастырь. Анзерский скит

Анзерский скит – детище Соловков, видимо, был для Клюева не менее важен. Параскева, героиня «Песни о Великой Матери», завещает сыну подвизаться в Анзерском скиту:

Пора и пострадать немного
За Русь, за дебренского Бога
В суровом Анзерском скиту!¹⁹

И напоминает о значении Соловков и Анзера для старообрядцев, невзирая никоновскую реформу:

Там старцы Никона новиной,
Как вербу белую, осиною
Украдкой застыт древний чин.
Вот почему старообрядцы
Елиазаровские Святцы
Не отличают от старин²⁰

В данной случае под словом «Святцы» имеется в виду не месяцеслов, а «личные святцы» или «святцы в лицах», т.е. 12 икон с изображением святых, поделенно чтимых²¹. Здесь поэт говорит о «Святцах», написанных Елеазаром, ведь, как известно, святой Елеазар Анзерский был иконописцем²².

¹⁹Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С.773.

²⁰Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С.773.

²¹Даль В.И. Толковый словарь Живаго великорусскаго языка. В 4 т. Изд. 2-е. – СПб., М., 1882. - Т. 4. - С. 165.

²²Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 300.

Сын, исполнив завещание матери, принимает послушание в указанном монастыре:

«Преподобне отче Елиазаре, Моли Бога о нас!»
Итак пятьсот кукушких раз
Иль иволги свирельных плачей.
Но послушанье меда паче,
Белей подснежников лесных.²³

Елеазар Анзерский был учеником игумена Иринарха, которого Клюев тоже не обошел вниманием в стихотворении «От березовой жилы повытекла Волга...». «Иринарх – игумен Соловецкого монастыря много потрудился во славу и процветание обители. Преставился в 1628 году»²⁴.

Воспевая своего любимого иконописца Андрея Рублева, поэт перечисляет иконные изображения северных святых:

Челмогорский Кирилл, Иринарх Соловецкий,
Песнолебедь Макарий на Желтых Водах,
Терем красок невиданных, рубленный, клеткий,
С ароматом столетий в дремучих углах²⁵.

Макарий Желтоводский и Унженский²⁶, уроженец Нижнего Новгорода, основал обители на реке Лух, на Желтых Водах и на реке Унже. Хергозерский Макариевский монастырь был основан в 1630-е гг. в 82 верстах к северо-западу от Каргополя²⁷.

Кирилл Челмогорский был постриженником Антониева монастыря в Новгороде. Челмогорская пустынь была основана святым преподобным Кириллом Челмогорским, находилась недалеко от озера Лёкшмозера, в 53 верстах к западу от Каргополя²⁸. Преставился в конце XI столетия²⁹.

Святые Макарий, Кирилл и Иринарх изображены Клюевым в ярких красках, «красках невиданных». Упоминание этих святых в одном стихотворении с Андреем Рублевым, вместившим в себя идею красоты и святости Руси (по Клюеву)³⁰, говорит о светлой функции этих святых. Поэт выражает в их образах надежду на спасение Руси от бездуховности.

Объединение Клюевым имен Кирилла Челмогорского и Макария Желтоводского неслучайно. А.В. Пигин указывает на то, что «ежегодно на 24 – 25 июля на праздник Макария, в Хергозерский монастырь стекалось большое число людей и устраивался крестный ход, который шел по дороге к Челмогорскому монастырю. Хергозерский, Ошевенский и Челмогорский монастыри, соединенные тропами, по которым ходили богомольцы, воспринимались как центры единого сакрального пространства. На некоторых иконах Макарий

²³Клюев Н.А. Сердце Единорога.. – С. 773.

²⁴Гарнин В.П. Примечания. – С. 940.

²⁵Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С. 516.

²⁶Макарий Желтоводский и Унженский является нижегородским святым. Включение образа Макария в эту главу происходит по причине особенного почитания данного святого на Русском Севере.

²⁷Пигин А.В. Хергозерский Макариевский монастырь. В печати.

²⁸Пигин А.В. Челмогорская пустынь. В печати.

²⁹Архимандрит Никодим. Олонечские святые. Их жизнь и церковное чествование // Олонечские епархиальные ведомости. – 1903. - № 14 (15 июля). - С. 497.

³⁰Михайлов А.И. Николай Клюев и мир его поэзии. Вступ. статья // Н.А. Клюев. Сердце Единорога. - С. 27.

Желтоводский, Александр Ошевенский и Кирилл Челмогорский изображались вместе»³¹.

Учитывая любовь поэта к посещению монастырей (о чем говорит, например В.В. Лепяхин³²) можно высказать предположение, что Клюев мог посетить и названные выше монастыри, так как находились они недалеко от места жительства Клюева (Олонецкая губерния). Это и дало поэту основание для упоминания этих святых вместе.

А вот в Муромском монастыре Клюев был. Это подтверждает нам «Гагарья судьбина», где Клюев описывает Муромский остров и дорогу от него через Бесов нос в Пудожские земли³³. Муромский монастырь находится в современной Карелии на Муромском острове и в настоящее время является местом, куда стекаются многие паломники из Вытегорского района, так как является ближайшим действующим монастырем.

В связи с близостью монастыря к Вытегорскому уезду уже в 1583 году монастырю принадлежало 7 деревень в Андомском погосте (где жил Клюев – дер. Желвачево), на Гакуксе и под монастырем³⁴. А в 1688 году при монастыре образовалась Рубежская (Вытегорская) пустынь³⁵.

В стихотворении «Мирская дума» Клюев повествует о Лазаре Муромском – основателе Муромской обители. Преподобный Лазарь Муромский – грек по национальности, как знаток иконописи был отправлен под начало святителя Василия Новгородского. Преставился в 1391 году в Муромском монастыре³⁶.

Образ святого Лазаря в данном стихотворении также вмещает в себя идею спасения Руси от поругания. Лазарь выступает здесь как наставник северян в борьбе «за крещеную землю, за зеленую мать пустыню, за березыньку с вещей кукушкой...»:

Из-под ели двадцать вершинной,
От сиговья Муромского плеса,
Подымался Лазарь преподобный,
Ратоборцам дать благословенье,
Провещать поганых одоление...³⁷

Святой Лазарь изображен поборником православной веры и всей Руси. За благословением к Лазарю идут каргополы, лопь, чудь, пудожане – исконные жители Муромского острова. Биографическое житие святого Лазаря повествует нам о том, как при появлении подвижника на острове возникает его конфликт с местными жителями. Племена лопь и чудь, жившие у озера, не приняли Лазаря и много страданий доставляли ему, избивая святого и сжигая его хижину.

³¹Пигин А.В. О некоторых источниках по истории Макариевской Хергозерской пустыни // Православие в Карелии. - Петрозаводск, 2003. - С. 245.

³²Лепяхин В.В. Икона в русской художественной литературе. - С. 511.

³³Клюев Н.А. Гагарья судьбина. - С. 39.

³⁴Нилов Е. Г. Муромский монастырь. - Пудож, 1993. - С. 29.

³⁵Нилов Е. Г. Муромский монастырь. - С. 31.

³⁶Нилов Е. Г. Муромский монастырь. - С. 25 – 26.

³⁷Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С. 264.

После исцеления угодником слепорожденного ребенка старосты лопарей племени ушли с острова, а староста их обратился в христианскую веру³⁸.

В данном случае Клюев, опираясь на житие святого, показывает Лазаря просветителем языческих племен, покорившихся святому:

Поклонились Лазарю лешане,
Каргополы, лопь и пудожане...³⁹

Лазарь преподобный выражает в этом стихотворении Клюева и мысли самого автора о защите природы и губительном влиянии цивилизации. Лазарь учит северян:

...железо проклято от века:
Им любовь пригвождена ко дереву,
Сожалению ребра перебиты,

И тропарь зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,
Не подрубит яблони цветущей
И веслом бездушных вод не ранит...»⁴⁰

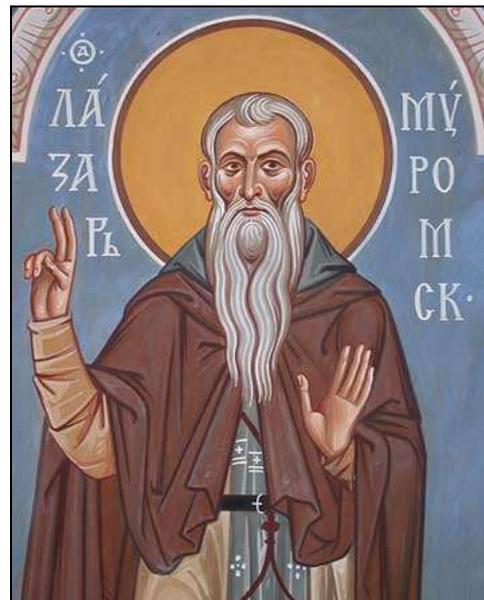
Для Клюева эта тема очень важна и звучит во многих стихотворениях⁴¹, например: «Обозвал тишину глухоманью» и др.

Лазарь явился не единственным святым – выразителем авторской точки зрения по проблеме природы и цивилизации. Как указывает М. Мейкин, образ Нила Сорского в стихотворении «Нила Сорского глас...» носит ту же функцию⁴².

Среди севернорусских святых Клюев называет также Никиту Новгородского (мотив духовной гибели Руси), Варлаама Хутынского, Артемия Веркольского, Иону Яшезерского (идея избранности, святости России).

Рисую образы местных подвижников, Клюев изображает их в соответствии с житием и церковным представлением, что говорит о знании Клюевым церковных источников и житий данных святых.

Если в описании образов византийских святых у Клюева мы наблюдаем синтез церковных и народных представлений, то русские святые у Клюева совсем лишены фольклорности. Их образы описаны поэтом в строгом соответствии их церковному статусу (монах, преподобный, иконописец). Народная же точка зрения, если

Лазарь Муромский

³⁸Житие преподобного Лазаря, Муромского чудотворца / пер. и прим. Пигина А.В. // Кижский вестник. - 2003. - Вып. 8. - С. 14.

³⁹Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С. 265.

⁴⁰Клюев Н.А. Сердце Единорога. – С.265.

⁴¹Михайлов А.И. Николай Клюев и мир его поэзии. - С. 17, 33 – 35,41.

⁴²Мейкин М. Николай Клюев и Нил Сорский // XXI век на пути к Клюеву: Материалы международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвященной 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева 21 – 25 сентября 2004 г. - Петрозаводск, 2006. - С. 89.

таковая присутствует в почитании образа конкретного святого (например, в образах Зосимы и Савватия Соловецких и Макария Желтоводского), совсем не отражена у Клюева.

Причиной такой разницы в описании поэтом византийских и русских святых может служить следующее. Образы византийских святых, широко почитаемых на Руси, имели сильную народную окраску. Представление о них в сознании Клюева сложилось уже в готовом виде еще с детства при наблюдении за сельскохозяйственными работами, покровителями которых они были, и обрядами односельчан. А вот образы севернорусских святых поэт постигал сам, путешествуя по монастырям и участвуя в монастырской жизни. Именно поэтому образы севернорусских святых вошли в сознание поэта как конкретные исторические лица, основатели святых обителей.

Вычеркнув из образов русских святых народное понимание, поэт однако использует их для выражения авторской точки зрения. Клюев обогатил эти образы функцией противостояния цивилизации (Лазарь Муромский, Нил Сорский). Они стали символом погибающей Руси (Зосима и Савватий Соловецкие, Елеазар Анзерский, Никита Новгородский), символом надежды на спасение России посредством красоты (Макарий Желтоводский, Кирилл Челмогорский).

В настоящее время святые смотрят на нас со стихов Клюева, помогая нам понять внутренний мир поэта и трагедию его жизни, помогая постичь основные вехи биографии поэта и проникнуть в глубины его творческого сознания.

Виктор Петрович Ершов, доцент кафедры философии Карельского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук.

Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ).

«Как-то работая над исследованием «Ель-дерево мертвых», я включил телевизор и услышал романс Р.Зелинского «Ёлушка-сестрица» на стихи Н.Клюева в исполнении В.Каликина. Слова песни подтвердили мои наблюдения и догадки, и я стал читать стихи Н.Клюева, влюбился в него, а потом стал писать о них».

«Я ОТДАЛ ДЕДОВСКИМ ИКОНАМ ПОКЛОН ДО ПЕЧЕНИ ЗЕМНОЙ...»

Взгляд Н.А. Клюева на крестьянскую икону

Крестьянские иконы гармонично вошли в поэтическую ткань творчества Н.А. Клюева. Будучи певцом крестьянской общины, он не мог пройти мимо этого животворного пласта духовной культуры. На это обращали внимание исследователи творчества Н.А. Клюева: Л.А. Киселева, И.П. Сепсякова и Т.А. Пономарева. Поэтом-изографом назвал Н. Клюева В.В. Лепяхин.

Интерес к народным иконам значительно возрос за последние десятилетия. Но еще раньше ее представил обществу великий крестьянский поэт Николай Александрович Клюев. Именно, народную, потому что, еще в 1919 году он противопоставлял ее официальной, романовской, «никонианской», «голыштинской» иконе¹. Поэт пафосно обличает «никонианскую» церковь, которая «Бога за железный засов садит», а «самые любимые народом образа» поразвешены «мимоходом», «мало того, что они не по чину расположены – Богородица ниже всех на притыке, а Иван-поститель ошую, да и вперекось на веревочной петле как удушенник висит, – но и сами лики машкарой выглядят, прокаженными какими-то, настолько они «подновлены», «силы-то силы, только не... небесные»². Здесь поэт следует за неистовым протопопом Аввакумом, который называл «никонианские» иконы «богомерзостью.» Н.А. Клюев противопоставляет эту церковь сакральному пространству древних церквочек и крестьянских изб. Икона была в каждом доме, она служила крестьянской идее плодородия и спасам-предкам, была с крестьянином в радости и горе.

В дарственной надписи Павлу Николаевичу Медведеву на своей книге «Изба и поле» Николай Клюев сравнивает книгу с иконой: «много схожести с иконописью –

¹Пономарева Т.А. Икона и иконное изображение в прозе Н. Клюева // XXI век на пути к Клюеву. – Петрозаводск, 2006. – С. 71-80.

²Клюев Н.А. Словесное древо. Проза /сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. –СПб., 2003.

целомудрие и чистота красок...»³. Поэт понимает язык иконы, оживотворяет, придает ей антропоморфные черты:

Как перс священному огню,
Я отдал дедовским иконам
Поклон до печени земной...

(«Недоуменно не кори...»)

Его «поглощенность» северной поморской иконой объясняется принадлежностью поэта к старообрядческой традиции, ярко проявляющейся в укладе жизни северян, в прикладном искусстве и иконописи. «Поэт удивительно глубоко чувствовал своеобразие народного прикладного искусства тех «чудотворных» икон, которые создавались на старообрядческом Поморье. Богомазы, изографы не обходятся без христианской символики, но им чужда церковная догматика», - писал исследователь творчества Н.А. Клюева В.Г. Базанов⁴.

В его доме было свыше тридцати пяти икон. В горнице стоял в большом углу «Спас» поморских зеленых писем⁵. Он любил иконы «поморских зеленых писем». Это видно и из дарственной надписи на иконе своему крестнику Игорю Западалову: «Икона поморского письма петровского времени из скитов выгорецких...»⁶. Да и в стихах он неоднократно обращается к «празелени икон» Поморья:

А Егорий поморских писем
Мчится в киноварь, в звон и жуть...

(«Заозерье»)

Икона в его произведениях - символ стабильности, нерушимости общинного уклада жизни деревни, в ней он видел здравый консерватизм в сохранении культурных ценностей, традиций, древних обычаев, морально-этических устоев самобытной жизни народа: «Студеная Кола, Поволжье и Дон / Тверды не железом, а воском икон» («Погорельщина»). В крестьянской иконе живет память народа о своем прошлом, его народнопоэтическое начало, отзвук жизни и красоты северной природы. Икона - это мост, соединяющий прошлое с настоящим и будущим.

Но я хочу обратить внимание на народные иконы-примитивы - краснушки, пядницы, двурядницы, трерядницы. Их неоднократно упоминает Н.Клюев: «Трерядница и «Песнослов»... «В степи чумацкая зола», «Божница наша в полтябл, двурядница...». Для них характерен сюжет «Избранные святые». Их архитектоника строится по принципу иконостаса (часовенного и семейного) - рядами: верхний ряд - деисусный: Богородица, «Сошествие во ад» и Никола⁷. Второй ряд - плотный строй избранных святых-молитвенников, защитников, помощников. Третий - Георгий Победоносец, триада женских образов-мучениц и Никита-бесогон. Все они нашли свое место у Клюева:

³Азадовский К. Жизнь Николая Клюева: документальное повествование. - СПб., 2002.

⁴Базанов В.Г. С родного берега: о поэзии Николая Клюева. - Л., 1990. - С. 201.

⁵Клюев Н. Словесное древо. - С. 29.

⁶Михайлов А.И. Николай Клюев и мир его поэзии // Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. - СПб., 1999.

⁷Ершов В.П. Богоматерь и Никола в иконах-примитивах «Избранные святые»: (к вопросу о нетрадиционном «Деисусе») // Православие в Карелии. - Петрозаводск, 2000.

Трерядница» и «Песнослов» –
Садко с зеленой водяницей!
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище – странице.

(«В степи чумацкая зола»)

Семейный иконостас в описании Н. Клюева - единая, большая икона - «двурядница»: «Божница наша в полтябла, двурядница: внизу Марья Ягипетская (...), о стенку крест морской соловецкий (...). В верхнем тябле образ пречистый, Сила громовая, свят, свят, свят: четверка огненных мерингов в новый, на железном ходу тарантас впряжены, и ангел киноварного золота вожжи блюдет. А в тарантасе Гром сидит – великий преславный пророк Илья. («Огненное восхищение»).

«Певучие жемчуги» – это, конечно, святые, щедро одаренные поэтическим словом и даром доброты, братства, сопереживания, справедливости.

Богоматерь, безусловно, центральный образ иконы «Избранные святые». Культ Богоматери на Руси и, особенно, на Севере приобрел особое значение: Святая Русь была домом Богородицы. Богородичные иконы были в каждом доме: «Казанская», «Умягчение Злых Сердец», «Утоли Моя Печали», «Неопалимая Купина», «Одигитрия»... Уже само название икон говорит, какое значение имела Богородица в крестьянской жизни. На кого было надеяться, как не на Заступницу, к Ней с молитвами обращались, на Нее надеялись, у Нее искали ответа, с Ней советовались:

Не усыпающую в молитвах Богородицу
Кличьте, детушки, за столицу!»

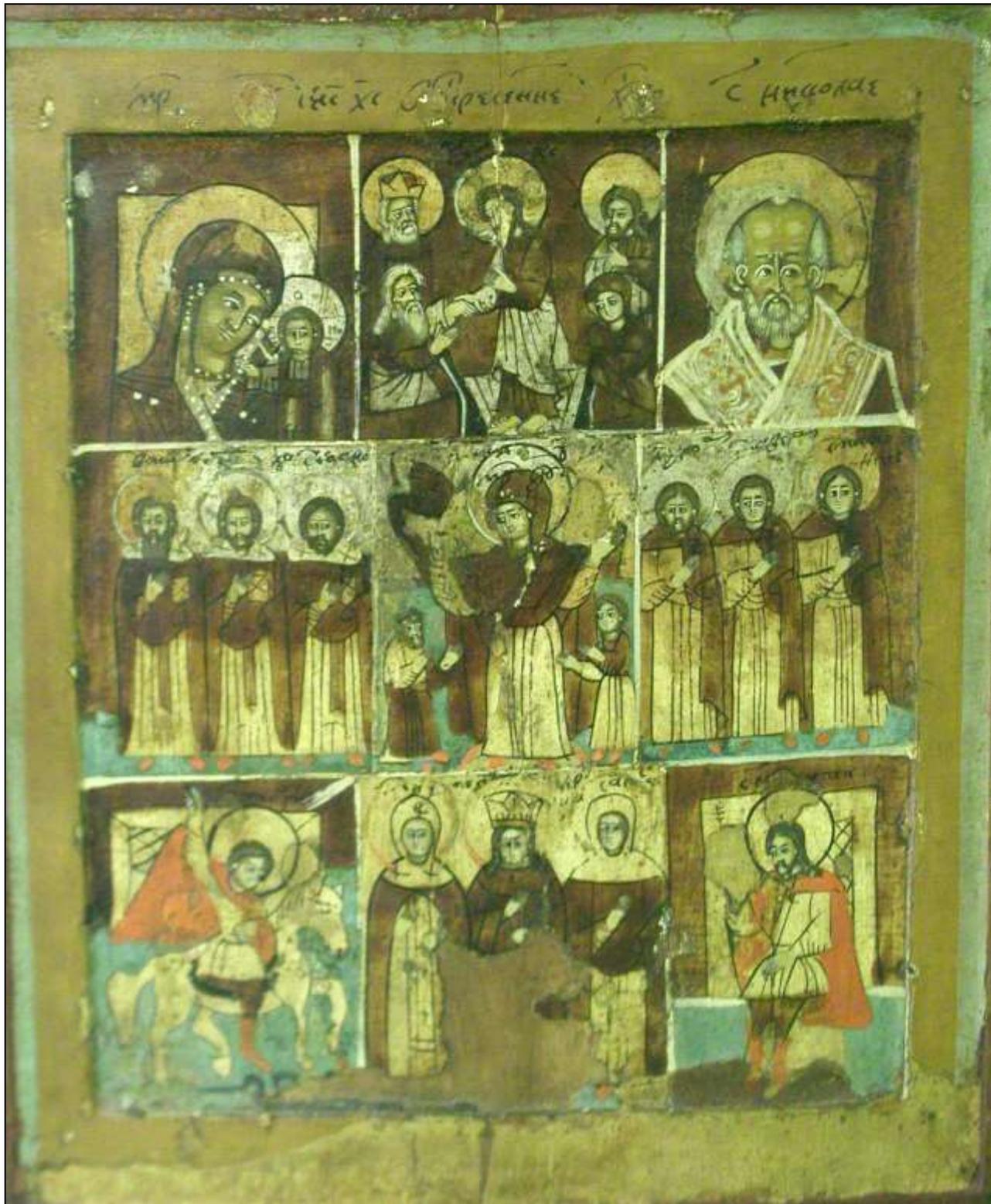
Обрадованное Небо –
К Тебе озера с потребой,
Сладкое Лобзание –
До Тебя их рыдание!
Неопалимая Купина –

В чем народная вина?
Утоли Моя Печали –
Стань березкой на протале!
Умягчение Злых Сердец –
Сядь за теплый колобец!
Споручница Грешных –
Спаси от мук кромешных!

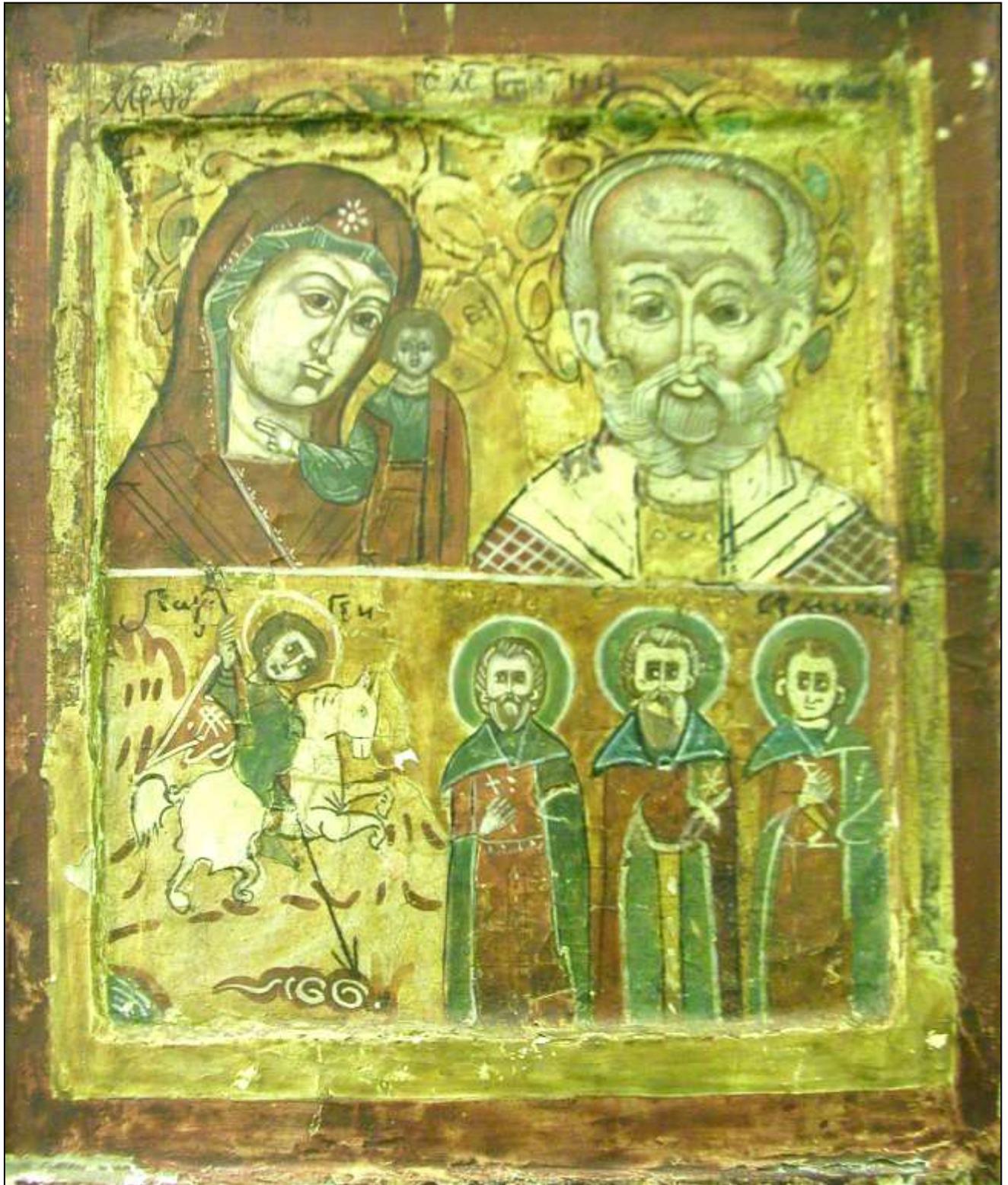
(«Погорельщина»)

«Крестьянское благочестие, включая богородичную икону в сакральное пространство дома,... не могло не включить ее в сакральное пространство другой иконы»⁸. Это стало устойчивым иконографическим мотивом. Богоматерь как всеобщая заступница, покровительница женщин и всех страждущих была обязательным персонажем икон «Избранные святые».

⁸Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. – М., 1995. - С.67.

Икона - трерядница Избранные святые.
Начало XIX в.

Икона – двурядница Избранные святые. XIX в.

Она занимала самое почетное место - левый угол верхнего ряда - деисусного («в верхнем тягле образ Пречистый»). Ей посвящаются проникновенные поэтические строки поэта, именно она, в первую очередь, стоит у изголовья невинно замученного отрока Ивана, как когда-то стояла у Креста на Голгофе:

«Одигитрия» покрыла платом,
«Утоли печали» смыла кровь...
Богородица прижухла,
Оперлась на локоток:
«У тебя, беляны пухлой,
Есть ли Сыну уголок?»

(«Соловки»)

В каждом доме была и икона «Вседержителя». На иконе «Избранные святые» канон определяет Ему место в первом ряду: Христос-Еммануил на коленях у Богородицы. Пророчица Анна, которая во время Сретения у Храма славил Христа-Младенца, говорила так: «Видите ли сего Младенца, сосущаго сосцы, покоящегося у недр Матери, еще не могущаго ступать по земле ногами своими, обрезанного в осьмой день? Видите ли сего Младенца? Он сотворил веки; Он утвердил небеса; Он распростер землю... Не соблазняйтесь возрастом Младенца; ибо Он и Младенец и собезначальный Отцу; подлежит счислению времени, и никто не может исповедать род Его; Он и немощствующий Младенец, вместе дарующий мудрость и отверзающий уста; родившийся от Девы и непостижимый по существу, зримый и необъятный»⁹.

Иногда между Богородицей и Николой помещался сюжет «Сошествие во ад». Следовательно, изображение Христа дублировалось: Ему, попирающему Сатану и смерть, предстоят Богородица и Никола. Я определяю эту композицию как крестьянский деисус¹⁰. В народном понимании Христос не столь грозный судья, сколько помощник, и в первую очередь, после смерти, он спасает душу от адских мук. Его Н. Клюев называет «избяным Богом»: «Вседержитель – смуглый господь избяной», «светлый Спас» Он рядом, он помогает и наказывает. Н. Клюев находит Ему еще много определений: именуется он то «Светлым», то «звериным Спасом», «Кровоточивым», «Мокробородым», «урожайным Богом», то Он – Пестун мирского зерна:

Пестун мирского зерна,
Он, как лосиха телка,
Лижет земные бока,
Пахоту поит слюной...

(«Мать-Суббота»)

Поэт обувает Спаса по-мужицки в «глазуревые» лапти («Погорельщина»). В понимании крестьян – Он всевидящий, и Клюев «рисует» «по блину глазища»

⁹Св. Амфилохий Иконийский. Слово. Сретение Господне. Служба на праздник Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. – М., 1902. - С.21-22.

¹⁰Ершов В.П. Богородица и Никола в иконах-примитивах «Избранные святые»: (к вопросу о нетрадиционном «Деисусе») // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2000.

(«Деревня»). Крестьянские Мастера своего бога режут из дерева, пишут на иконе, лепят из глины:

Сиговому Лбу похвала - Селиверст,
Он вылепил Спаса на Лопский погост,
Украшил сурьмой и в печице обжег,
Суров и прекрасен глазуревый бог.
(«Погорельщина»)

Это бог свой, родной, крестьянский, его Ключев даже пишет с маленькой буквы. Бог, Богородица и крестьянские святые выполняют самые важные функции в деревенской жизни – оберегание, обеспечение благополучия и плодородия скота и урожая. Они помощники в больших и малых делах:

Отец Алексей в притворе
Стучает о пол лбом,
Чтобы житные сивые зори
Покумились с мирским гумном.

Чтоб водились сиви в поречье,
Был добычен прилет гусей.
На лесного попа, на свечи
Смотрит бог, озер голубей.
(«Заозерье»)

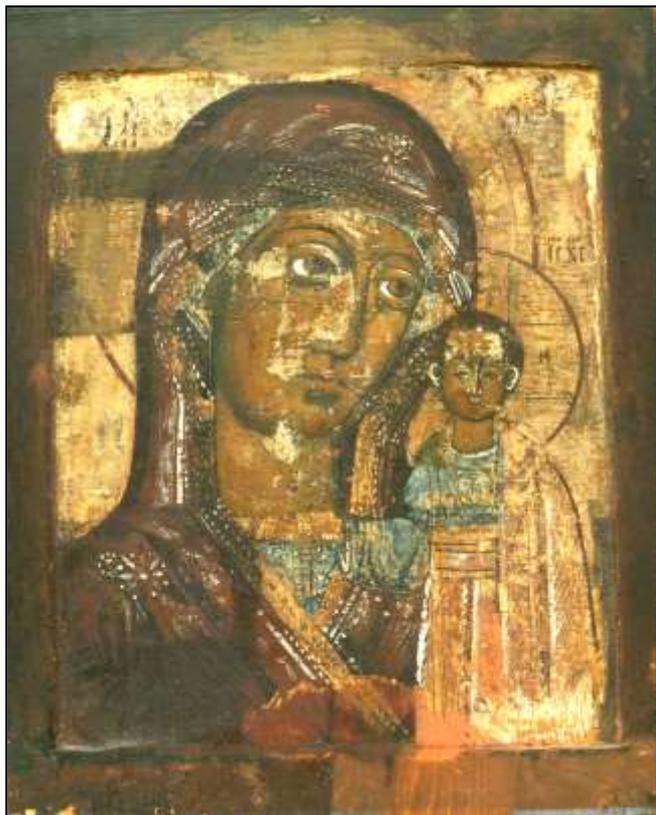
Все персонажи икон-примитивов - «двух – трерядниц» условно можно разделить на устойчивые (обязательные) и вариативные, изменяющиеся в зависимости от воли заказчика или каких-то других факторов. Стабильно, к первой группе относятся Богоматерь Казанская, св. чудотворец Николай и Георгий Победоносец (отсутствует очень редко).

Ко второй – все остальные святые. Они располагаются на втором-третьем рядах иконы. Набор этих святых оговаривается с заказчиком, о чем иногда свидетельствуют граффити на обороте икон. Но чаще всего в стройном ряду святых можно увидеть Флора и Лавра, Власия и Модеста, Зосиму и Савватия, Илью Пророка, Никиту Бесогона, Петра и Павла, Параскеву Пятницу, Варвару, Елену... Это они, как справедливо заметил А.П. Шишкин, помогают «счастливому» крестьянину в его тяжелом труде: Илья жнет рожь, Никола пасет коров, Егорий стережет коней...¹¹.

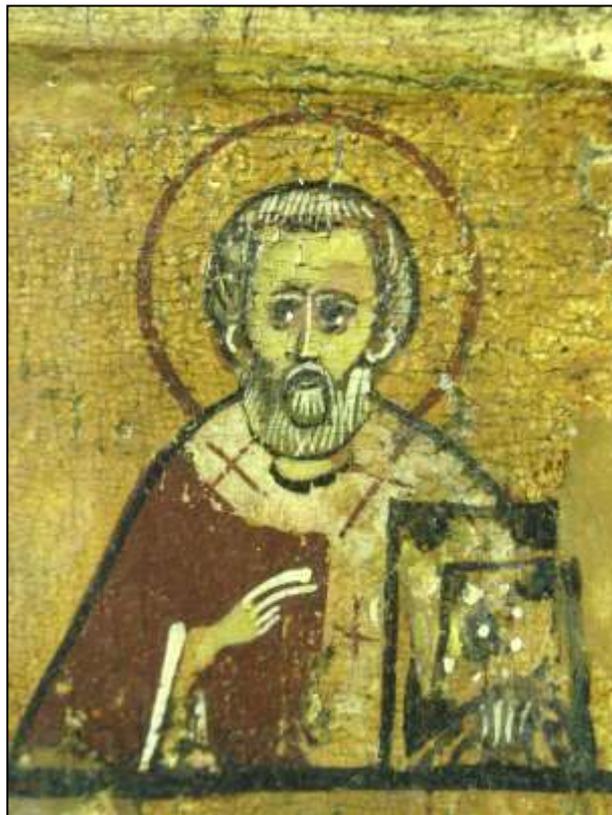
Святые полноправные, участники жизни деревни, поэт говорит о единстве сакрального и профанного: «Фрол и Медост, Пантелеймон, Илья - чин избяной, луговая семья» («Мать-Суббота»). Здесь поэт использует древнецерковное понятие «чин», значение которого вряд ли понятно современному человеку. Между тем, оно несет важную и неоднозначную семантическую нагрузку. «Чин» – это – порядок, устройство, расположение в определенной последовательности¹².

¹¹Шишкин А.П. «Типикон спасения "Аввакума двадцатого столетия"» // XXI век на пути к Ключеву. - Петрозаводск, 2006. – С 43.

¹²Полный церковно-славянский словарь/ сост. протоиерей Г. Дьяченко. – М., 2001. – С. 823.

Богоматерь Казанская. VII в.

**Св. Николай.
Фрагмент иконы Избранные святые.
XIX в.**

Применительно к поэтической формуле Н. Клюева – это устройство «избяного рая». Изба для средневекового человека – малая модель вселенной, сопоставимая с раем, здесь он живет, как жили Адам с Евой в гармонии с богом и со всеми святыми. Названные и не названные святые на крестьянских иконах в доме составляют, действительно, семью, единый чин, сообщество святых и домочадцев. Спаса он так и называет: «Смуглый Господь избяной». Икона как бы спускает небо на землю, горнее – долу. И поскольку святые составляют единую семью с людьми, то они и занимаются теми же делами: «поят с ладоней крестьянских коней» («Мать – Суббота»), анзерский Елеазар «кличет ласточек и утиц сизых» («Соловки»). К ним, родимым, с доукою идут люди... Деревенские святые близки к крестьянской жизни, заботам людей, помогают им, радуются и плачут, видя людское горе:

Светлый Павел, утирая слезы,
Обронил из уст словесный бисер...
(«Погорельщина»)

Или:

А плачущий Петр
В ночи всемирной стоит у ворот...
(«Мать – Суббота»)

Иногда от бессилья плачет и сам Бог:

И взирает Спас с укоризной
Из угла на словесный пляс...
(«Проститься с лаптем - мялягой»)

На иконах «Избранные святые» Великий народный заступник – Микола всегда изображается рядом с Богородицей. В народном понимании он кормилец и заступник, ему подчиняются все другие святые, он живет крестьянской жизнью, одет в сермяжную ризу, сидит рядом за столом, помогает рыбакам. С ним крестьяне разговаривают, как с равным, просят его о помощи, обещают ему нехитрые крестьянские дары:

Парусов погонщик Миколае,
Объявился змий в родимом крае,
Вороти Егорья на икону –
Избяного рая оборону!

.....
Красной ложкой похлебай ущицы.
Мы тебе подарим рукавицы
И на ноженьки оленьи пимы...

(«Погорельщина»)

Именно такой, родной и домашний, добрый и строгий изображается Никола рядом с Богородицей на крестьянских иконах-примитивах, головы их сближены, нимбы перекрывают друг друга. Это крестьянский деисус!

Илья-пророк также был в народном сознании подобен Богу, грозным громовником, разъезжающим по небесам на четверке коней. Его на треряднице (или двуряднице) изображали в деисусном ряду, реже во втором. Клюев показывает, как он сопровождает души убитых солдат в «преблаженный» рай:

Напоследки же громовник Илья,
Со Ерёмой запрягальником
Снаряжают им поезд огненный,-
Звездных меринов с колымагами,
Отвезти гостей в преблаженный рай...

(«Поминный причит»)

Георгий Победоносец - активное действующее лицо в поэзии Н. Клюев. В народном сознании он давно из иноземных пределов переселился на Святую Русь, в Поморье и Заонежье, стал своим¹³. Е.И. Маркова в монографии «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства» и ряде статей подробно охарактеризовала роль образа Георгия Победоносца в творчестве поэта, поэтому отсылаю читателя к ее трудам.

Егорий мчит на своем коньке-горбунке по Руси, наводит порядок, защищает скотину от хищников, от врагов землю, это отразила и русская народная сказка¹⁴:

Твои лядины, взгорья
Дозорены Егорьем
На лебеде-коне!

(«Мой край, мое поморье»)

В Егории Н. Клюев видит своего защитника: от литературных недоброжелателей, клеветников и доносчиков. Он даже коня ласково называет «мой горбунок»,

¹³Маркова Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. – С. 228.

¹⁴Русские народные сказки Карельского Поморья / сост. А.П. Разумова, Т.И. Сенькина. - Петрозаводск, 1974. – С. 243-244.

проводя аналогию со сказочным коньком-горбунком: «идем с уздой и кличем: сивка!», выручавшим незадачливого своего хозяина во всех сложных ситуациях. И, кстати, на многих иконах «Избранные святые» конь Егория таковым и изображается – маленьким с длинными ушами – «коньком-горбунком».

И знаю я, мой горбунок,
В сосновой лысине у взморья:
Уж преисподняя из строк
Трепещет хвойного Егорья.
Он возгремит, как Божья рать
Готовя ворогу расплату,
Чтоб в книжном пламени не дать
Сгореть родному Коловрату.

(«Бумажный ад поглотит вас»)

Для крестьянина Егорий был защитой и обороной, светлым солнышком, борцом с нечистью. Потому он обязательный персонаж иконы «Избранные святые»: его место – левый нижний угол. Он всегда на белом коне, красный плащ развивается треугольным парусом, на плаще ромб – знак плодородия. В нем слилось почитание коня, солнечного божества (Ярилы) и православного святого одновременно (не зря в Ярилин день водили кобылку). Н. Клюев не мыслит Егория без коня и копья, неоднократно подчеркивает его языческую, сказочную природу, о чем писала Е.И. Маркова¹⁵.

Обратим внимание еще раз на клеймо с Георгием Победоносцем: под копытами коня гибнет сраженный копьем Змей. Тема борьбы Егория со Змеем подробно исследована Е.И. Марковой¹⁶. Змей и змеи Клюева – это русская беда: нашествие Антихриста.

Но вот что интересно: Змей на всех клеймах икон «Избранные святые» с Георгием какой-то рудиментированный, личинка, иногда он настолько стилизован, что превращается в зигзагообразную линию с красной головкой. Сюжет змеборчества вроде бы сохраняется, но Змей здесь совсем не страшный, его почти не видно, он уходит на задний план. Может быть, это произошло потому, что икона «Избранные святые» выводит на первый план плотные ряды святых-покровителей и защитников, перед силой которых нет места Змею? И Георгий Победоносец – один из них? Ведь именно он прославился как один из главных заступников за человеческий род пред престолом Всевышнего, способный вымолить прощение грешникам во время Страшного Суда.

Есть еще одно интересное обстоятельство. Большинство сюжетов с Георгием Победоносцем показывают пещеру, нору как место обитания змея, икона же в полном согласии с Клюевым рисует его как обитателя «Синя моря»: «И с иконы ускакал Егорий На божнице змий да сине море!» («Погорельщина»). В левом нижнем углу клейма всегда изображается синий водоем, что вполне согласуется со многими фольклорными произведениями. Вообще символический ряд этого клейма значительно обеднен в сравнении с сюжетом «Чудо Георгия о Змие». Его копьё святого со знаком креста всегда четко обозначено в клейме и имеет диагональное направление, на голову Змея. В сказках, былинах – это грозное, часто

¹⁵Маркова Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте северорусского словесного искусства - С. 243-244.

¹⁶Маркова Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте северорусского словесного искусства - С. 225-2404.

небесное оружие в борьбе со злом: мы помним, что Георгий - небесный воин. Копье соединяет Небо и Землю, и правда торжествует! (Эту христианскую вертикаль отмечает и Е.И. Маркова). Ключев видит в копье Георгия космогоническое значение. Это – ось мира, вокруг которой вращается вселенная, мир, время, народы. Это ориентир крестьянской жизни:

Поморский дом плывет китом,
Ему смарагдовым копьем
Указывает путь Егорий,
Заутрени, просонья, зори,
Столетия, мгновенья, день
Копье роняет ту же тень
Все на восток, где Брама спит...

(«Повесть о скорби»)

«Смарагдовое копье» - не для простого словца сказано. Камень смарагд (изумруд) имеет глубокое символическое значение. Это камень мудрости- он дает дар пророчества, победу в битвах, бессмертие. «Смарагдовое копье» Георгия Победоносца – залог его победы, космического бессмертия, торжества православия.

Клеймо с Георгием одно из немногих сюжетных «иконок» на иконах «Избранные святые». Его, безусловно, нельзя изолированно рассматривать от содержания этих икон. Однако философия этой крестьянской иконы еще в полной мере не изучена. Можно полагать, она имеет в своей основе фольклорную традицию.

Сравнивая эпоху Петра Великого и современное ему время, поэт печалится, что измельчал русский народ: «топит его в луже мальчонко-история» (читай – революция), и надежда снова на копье Егория.

Но в середине 20-х годов мотив богооставленности все чаще посещает Н. Клюева. Феномен оставления святыми иконы известен древнерусской литературе. На это обратил внимание В.В. Лепяхин: «святые за тяжкие грехи горожан оставляли церковные иконы, устремляясь в горный мир, отдавая грешников на время в добычу врагам. И вот в поэзии Клюева оживают древние сказания: святые уходят со своих икон»¹⁷. Все содержание поэмы «Погорельщина», за которую поэт был репрессирован, – светлый акафист крестьянским святым и крестьянской жизни, разрушенной революцией.

Влас, Модест, Флор, Лавер - это святые среднего регистра иконы-трерядницы, «скотьи боги». «Флору да Лавру работа Пасти табун во лесах...» («Заозерье»). Клюев их называет запечными, «овечьими» или «зверинными» богами.

Они защитники и наставники, они строго блюдут сложившийся устав жизни. Они - столпы староверия, крестьянской общины:

Феодосья - колосовица
С Медостом - богом овечьим
Велят двуперстьем креститься...

(«Заозерье»)

¹⁷Лепяхин В.В. Светлый иконник Павел в поэме Н. Клюева «Погорельщина» // XXI век на пути к Клюеву. - Петрозаводск, 2006. – С. 64.

Современному молодому читателю трудно понять этот образный язык поэта. Клюев, как певец иконы, природы и Древней Руси по-своему видит рождение иконы. И перевести, что «куманика (северная ягода) «творит» (пишет или делает) ассист (золотые лучи, покрывающие одежды), на сухой, научный язык не получится.

«Я сгорел на своей «Погорельщине,- пишет Н.А. Клюев своему другу и собрату по несчастью С.А. Клычкову,- как некогда сгорел мой прадед, протопоп Аввакум на костре пустозерском»¹⁸. Он, действительно, «сгорел» (расстрелян в Томске), приняв мученическую смерть, как и герои «Погорельщины», «Разрухи», «Соловков» – святые, люди, иконы...

---

¹⁸Клюев Н. Словесное древо. – С. 313.

Маркова Елена Ивановна, заслуженный деятель науки Республики Карелия, зав. сектором литературы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук.

Творчеством Николая Клюева Е. И. Маркова занимается с октября 1984 года. Автор многочисленных статей и книги «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства».

Эта монография была защищена ею в Институте мировой литературы РАН в 2000 году в качестве первой в России докторской диссертации по творчеству Николая Клюева.

В 2004 г. в Институте языка, литературы и истории Кар. НЦ РАН была проведена первая в мире Международная конференция «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвященная 120-летию со дня рождения великого русского поэта. Руководителем этого проекта была Е. И. Маркова, она же подготовила на материале докладов, прочитанных на конференции, сборник статей «XXI век на пути к Клюеву».

ПОЭТ И ВОЖДЬ В ПОЭМЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА «КРЕМЛЬ»

Завершив летом 1934 года свое творение, Николай Клюев сообщил другу-художнику Анатолию Яр-Кравченко: «"Кремль" я писал сердечной кровью. Вышло изумительное и потрясающее произведение...» Надеюсь, что авторитетные читатели помогут другу издать поэму, он тем не менее предупреждает Анатолия: «...ни на один час не оставляй ее ни у кого на руках, чтобы не наслоилося на нее клеветы и злых мнений...»

Опасения поэта были не беспочвенны. Его почитатель И.В. Иванов-Разумник, познакомившись с рукописью, нашел, что сочинение написано сломленным человеком, желающим «вписаться в стан приспособившихся»¹.

Действительно, при первом прочтении создается впечатление, что поэма корреспондирует с его заявлением, отправленным во ВЦИК из поселка Колпашева 12 июля 1934 года, где он просит о помиловании. Здесь есть строки, напрямую перекликающиеся с одическими строфами «Кремля»: «...преклоняюсь перед Советовластием...»; «...Чту и воспеваю Великого Вождя...»².

Однако и первое прочтение оставляет ощущение противоречивости текста, поэтому соглашаешься с публикаторами поэмы, что это произведение – «многослойное». Т.А. Кравченко и А.И. Михайлов во вступительном слове указали, например, на такую несообразность: в одической поэме государство обретает черты

¹Кравченко Т., Михайлов А. Наследие комет. Незвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М., Томск, 2006. - С. 199, 225-226, 199. (Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках номер страницы).

²Клюев Н. Словесное древо. Проза / вступ. статья А.И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб., 2003. - С. 413.

«хищного, военизированного монстра». Не случайно текст насыщен образами жестокости, «красным цветом во всех оттенках представлена почти вся цветовая гамма "Кремля"». Даже праздник (парад на Красной площади) прежде всего отмечен образом «Штыков, как море непомерных...» (199-202).

Н. Клюев и А. Яр-Кравченко

Поэма Клюева «Кремль», – книга, безусловно, потаённая. Прося друга представить свое творение «собранию поэтов и нужных людей», Клюев наказывал: «...прочитай ее, не торопясь...»(226) («не торопясь» подчеркнуто его рукой). Поэт понимал, что только медленное, неспешное прочтение его поэмы приблизит читателя к сокрытому в ней смыслу.

Как и положено в оде, начинается поэма с обращения–величания:

«Кремль озаренный, вновь и снова К тебе летит беркутом слово...»(203) Повторяется обращение к Кремлю 5 раз. В тексте есть обращения и к другим лицам (всего 25 обращений). Это говорит о том, что автор призывает к диалогу, надеется на понимание.

Заметим, что особенно актуален жанр послания был в эпоху первых революционных лет и 20-х годов. Не случайно и последние поэмы друга Клюева Сергея Есенина и его главного антипода Владимира Маяковского открываются обращением (Соответственно строки в поэмах «Черный человек» (1925): «Друг мой, друг мой...» и во «Во весь голос» (1930): «Уважаемые товарищи потомки!»).

До фактической гибели Николая Клюева остается три года и три месяца (23–25 октября 1937 г.), но, работая над «Кремлем», поэт понимал: дамоклов меч уже занесен. Поэтому в письме к Яру от 2 августа 1934 года он причислил поэму к вещам, что «могут быть созданы только в раю или на эшафоте, раз за жизнь поэта»(225). Пребывание в ссылке приравнивалось им к пребыванию на эшафоте – к состоянию на границе жизни и смерти. Поэтому его поэма формировалась на скрещении элементов различных художественных систем, на границах диалогов трех типов: живого с живыми, мертвого с живыми, живого с мертвым.

Подчеркивает это ощущение пограничности признание: «Я жив видением Кремля!»(208). «Видение» в данном контексте означает «призрак, привидение, что-либо возникшее в воображении»³. Подобное толкование подтверждается словами: «Виденье красного Кремля Нося в себе как свиток дыма...»(209). Нечто призрачное может являться человеку, находящемуся в пограничном состоянии (больного, спящего). Само видение может быть закодированным посланием иного мира. Его адресат, даже будучи абсолютно здоровым, пребывает в момент приема информации на границе двух миров: земного/подземного или земного/небесного.

В центре поэмы – образ Кремля, который, как известно, входит в систему национально–государственной символики России и новой советской

³Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2003. С. 77.

государственности. Раз заявлен образ Кремля, то в поэме должен быть образ кремлевского вождя – образ Сталина. Образы Кремля и Сталина то сливаются в тексте, то разводятся автором. Но и описанные порознь они указывают на свое тождество, так как соотносятся с одной метафорой – уподобляются скале. Сравним: герой-поэт рисует Кремль, как «скалу родимую». Сталин же для него – «великий брат, Чей лоб в лазури Арарат..»(203).

Внешние башни московского Кремля, в известной степени, ассоциируются с горными (скалистыми) вершинами, а образ вождя, горца – грузина по происхождению, предполагает описание через «родственные» ему «скалистые» тропы. Тождество «Кремль–Сталин», описанное через образ скалы, символизирует несокрушимую мощь советского государства.

Прежде всего скала является персонификацией языческого божества, что соответствует природе мифа, где «форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует...»⁴ Например, со скалой связывали образ Пирвы, древнехетского божества индо-европейского происхождения, на что указывало само его имя «регипа», означающее в переводе с хетского «скала». От этого корня произошли индоевропейские названия и атрибуты бога грозы: Перун, Перкунас и т. п. Памятуя, что «по всей области расселения славян известны названия возвышенностей и гор, которые происходят от имени Перуна», как и святилище славянского бога грозы, что находилось на Перыни под Новгородом («peruni» древнее соответствие готскому *faigini*, «скала»)⁵, нельзя не предположить, что образ скалы, являющейся персонификацией Кремля–Сталина, проецируется на образ громовержца.

Совпадает цветовая гамма образов Перуна и Скалы (так в дальнейшем мы будем именовать тождество Кремль–Сталин) в поэме. Видимо, белые (серебряные) градинки и огненные (золотые) молнии наложили свой отпечаток на идола славян и древних русичей. Голова у него серебряная, усы – золотые. В поэме у Кремля не башни, а снежные нагорные вершины, которые видятся читателю серебристо-белыми. Доминирует однако «огненный» (золотой) цвет во всем разнообразии его оттенков: «зарноокий», «огневейный», «багряный», «красный», «розовый».

У Сталина серебряной голове идола соответствует «лоб–Арарат», что «Сверкает мысленными льдами» (= серебром). Написание же имени вождя (а в мифе существо и его имя тождественны⁶) имеет огненную окраску: «На свежем буквенном прогале Строка торжественная С-т-а-л-и-н Сверкнула золотом и медью»(213).

Сталин как руководитель нового государства и вождь мирового пролетариата ведет свою родословную не от супружеской четы Джугашвили, а от Ленина, образ которого также проецируется на скалу, поэтому и у него видишь «льдистую громаду лба В зубцах от молний мысли гордой»(213). Опять то же сочетание серебряного с золотым. Эта цветовая гамма в фольклорно-мифологических текстах указывает на связь персонажа с миром мертвых.

Заметим, что образ Ленина не ощущается в поэме как самостоятельный. Здесь, как и в официальной советской прессе, произошло слияние вождей: «Сталин – это Ленин сегодня», что вполне соответствует мифологическому сознанию: «согласно

⁴Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1991. - С. 653.

⁵Мифологический словарь. – С. 138, 439,441.

⁶Мифологический словарь. – С. 653.

древнерусскому источнику "Перунов много" (Перунъ есть много)»⁷. Однако каждой из его ипостасей отводилась своя точка в географическом пространстве и свое сезонное время.

Хотя в историческом времени Сталин получил всю полноту власти после кончины Ленина, но продолжал оставаться со своим предшественником в одном пространстве Красной площади: один правил в каменном Кремле, другой возлежал в мавзолее из камня. Ощущение этой алогичной связи живого и мертвого породило практически слитное изображение их профилей на огненных знаменах и гранитно-мраморных барельефах.

Поэтому на уровне коллективного бессознательного происходило одновременное правление живого/мертвого («живого трупа»), которое совпадало с древнейшими представлениями о вечно умирающем и воскресающем божестве. (например, с образом египетского бога производительных сил природы и загробного мира Осириса (Усира)).

Как правило, скала в фольклорно-мифологическом сознании либо соотносится с миром мертвым, либо является границей двух миров. Есть скалы-оборотни. Такой является грузинская богиня охоты Дали, которая может явиться охотнику в виде золотоволосой красавицы: может одарить, может и навеки погубить⁸. Скала (Кремль-Сталин) в поэме – тоже оборотень.

Возвращаясь к образу славянского божества, напомним, что Перун на могучем коне разит змия. Эта композиция хорошо известна в мировой культуре, начиная с Зевса, скульптурных изображений римских императоров и т. д. К этому же ряду восходит и знаменитый Медный всадник Э.-М. Фальконе. Император Петр I на скале (на Гром-камне)-постаменте. У копыт его коня поверженный змий. Вспоминается знаменитый памятник и в поэме:

И над Невою всадник рьяно,
Но тщетно дыбит скакуна,
Ему балтийская волна
Навеки бронзой быть велена...(210)

Сталин стоит в ряду богов и императоров, но он сильнее всех, даже реформы и завоевания Петра бледнеют на фоне его побед.

Но где же поверженный змий? Прежде чем ответить на этот вопрос, укажем, что сравнение с Петром возникло в связи с перечислением великих деяний вождя. Начинается отсчет от чудесного канала (Беломорканала). Все могучие деспоты стремились показать свое могущество над природой, поэтому, в частности, заставляли рабов прорывать необыкновенные каналы в пустынях, которые, как правило, высыхали. Петр отвоевывая для страны моря и не рыл каналы. Сталин же в своих деяниях превзошел всех. Воистину верховный бог!

И императорское дело,
Презрев венец, свершил простой
Неколебимую рукой,
С сестрой провидящей морщиной,
Что лоб пересекла долиной,
Как холмы Грузии родной!(210)

⁷Мифологический словарь. - С. 439.

⁸Мифологический словарь.- С. 24.

Заметим: в описании вождя выделен жест (перст указующий) и проакцентирована морщина на лбу. Причем сверкающий (сияющий) лоб Сталина–Ленина, лоб–гора (утес) выделен не раз. Ленина, действительно, отличал огромный лоб, чего не скажешь о Сталине, но в мифопоэтическом контексте поэмы значимо не фотографическое сходство, а сакральная функция органа. Лоб, как известно, является вместилищем судьбы, соответственно Сталин–Ленин, олицетворяющий всю полноту власти Кремля, заключает в своем лбу судьбу страны.

В русском фольклоре есть существо Медный Лоб, прозвище которого, по мнению В.Я. Проппа, указывает на его принадлежность к огню. Его, как античного силена (описанного И.И. Толстым), стремятся поймать, чтобы познать благодаря ему смысл человеческой жизни, тайны мироздания и услышать дивную песнь. Помимо этого, Медный Лоб обладает властью над животным миром и волшебными средствами⁹.

Этой же силой обладает вождь: его «гордой волей человечьей» даже «тартар, молотом осилен...»(210). Список деяний бесконечен. Кремль преобразует самое космическое пространство:

... .. розовым кораллом
Цветет кремлевская скала!
Как перед ней земля мала
И круг орбитный робко тесен!(209)

Безусловно, у Сталина–Кремля есть своя песнь. Он «Повыщербил на тучах были», «Ему вершинным вещим словом Дано живить и жечь до боли...»(205,207).

Охарактеризовав лоб, мы не остановились на его морщине. У Ленина, кстати, на лбу тоже зубцы (=морщины) «от молний мысли гордой»(213). Не сродни ли они кругам в виде стилизованных змей на лбу Тлалока, бога дождя и грома, в мифах ацтеков?¹⁰ Он выполняет те же функции, что и Перун, но внешне выглядит так: глаза – в виде стилизованных змей, клыки, как у ягуара и змеиные завитки перед носом, в руках – змееподобный, усаженный зубами посох (молния).

Собственно, к древней космической функции мирового змея, держащего или окружающего землю, восходят многие антропоморфные божества. В языческие времена им поклоняются, так как с ними связывали представления о животворном, оплодотворяющем начале. С возникновением религии им отводится роль низших мифических существ, служащих дьяволу.

Скала (Сталин–Кремль) в поэме, как было сказано ранее, – оборотень. Она и есть змий. Змий в обличье Перуна.

Кто же змеборец? Герой–поэт? Но не он ли связан «Певучей цепью» со Скалой? На цепи не гордый Прометей, а славословящий поэт. Именно это якобы сегодняшнее настроение поэта и обманывает читателя.

В поэме действует принцип обратной композиции. Начальный этап взаимоотношений поэта и власти охарактеризован в конце произведения. Здесь герой открыто заявляет о своей враждебности к Кремлю, сравнивая его с ягуаром (ср. с Тлалоком – Е.М.), у которого «Мороз в костях и волос дыбом»(221). Он был убежден, что его стихи – «Волшебные опалы Не для волчат в косынках алых!»(222).

⁹Цит. по: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки – Л., 1986. - С.159-160.

¹⁰Мифологический словарь. - С.543.

Скале у него противостоит тысячекратно воспетая изба. Но что поэт вспоминает не об «избе-богатырице», а об «избе под елью», которая, скорее, отождествляется с избушкой на курьих ножках, нежели крестьянским домом. Именно в лесной избушке сказочный герой проходил через обряд инициации и становился обладателем чудесного дара. Соответственны самохарактеристики героя: «сосновый Клюев, Шаман, гадатель, жрец избы...». Они свидетельствуют о получении поэтом потаённого знания, которое делает его могущественным:

Я – сам земля, и гул пещерный,
Шум рощ, литавры водопада...»(206)

Есть у него и своя волшебная гора – глыба «Державы царской»(211). За символической глыбой (от России, по его признанию остались одни эти обломки) он прячется в образе овцы (жертвенного ягненка).

Чтобы глухой овечьей дверцей
Казать лишь горб да шерсти пястку
Широкой жизни, впрягшей сказку
В стальные крылья пятилетий!(222)

Но под видом Агнца в Писании скрывается сам Иисус Христос – великая жертва за грехи всего рода человеческого. Поэт однако олицетворяет не сам Храм Христа Спасителя, а только его дверцу. А двери и ворота в фольклорно-мифологических текстах означают границу между двумя мирами. Так и герой-поэт стоит на границе православной крестьянской России и новой Страны Советов. Казалось, он был готов к поединку.

Сам поединок описан в середине поэмы. (Фрагментарное, рассыпанное по всему тексту житие героя чрезвычайно затрудняет понимание произведения и требует тщательной реконструкции). Герой, увы, не победил. И не принял, подобно Агнцу, смерть. Он опять оказался на распутье, на границе.

Создавая образ героя, автор наиболее подробно описал сердце – орган, от которого зависит жить или не жить человеку. Чтоб перейти в новую советскую веру, нужно убить в себе сердце поэта. Это и сделал герой: «И зверобойному копьё Медведем бурым сердце ставлю... Убей...»(212). После этой акции жизнь «соснового Клюева» разделилась надвое: это – бытие живого человека с мертвым сердцем и житие сиротки-музы (совсем по-пушкински: «душа в заветной лире»). Существование Слова в качестве отдельного существа характерно для ненецких сюдбабц (сказаний). В них Слово-Песня, все слышащее, все видящее, чтобы это сберечь для потомков, чтобы вернуть память предков народу...»¹¹.

Начнем с первого. Герой готов к обряду посвящения, который в отличие от Архистатига (Им он был посвящен в молодости), правит Кремль.

Он грудь мою рассек мечом
И, вынув сердце, майский гром,
Как птицу, поселил в подплечье,

¹¹Преловский А. Предисловие переводчика к ненецкому сказанию «Дети Владыки Ябта Саля» // Север. - 1988. - № 10. - С. 64.

Чтоб умозрения увечье,
И пономар(ь)ское тьморечье
Спалить ликующим крылом!(208)

Если в молодости, пройдя духовную инициацию, поэт возродился верным «ангела глаголу» («Я был в духе в день воскресный», 1908), то сейчас, пробудившись «вешне-громным», он рычит «ягуаром разъяренным ... на прошлого себя»(222).

Как происходила «передача дара» теперь? Как «научиться быть железным», соответствовать индустриальной державе? Поэт обернулся «Матерым дубом на закате»(203). А Сталин (как и Перун) тождественен дубу «под облаком грозовым»(207). Кремля разделяет граница – стена (или говоря на языке фольклора, змеиный вал), но дуб-поэт умудряется дотянуться до вождя. «Неистоцимыми корнями»(208) он обнимает скалу, что «Мёдом капала»(209), уподобляясь скандинавскому богу Одину, который в обличье змея пролезал в просверленную в скале дыру за медом поэзии¹². Корни дуба-поэта не те ли змеи? Выходит, поэт теперь такой же змий, что и вождь.., но эпитет «матерый» (от слова «мать») говорит о неоднозначности этого образа.

Но и Скала не отпускает поэта. Как Прометей поверженный, он прикован к ней «Певучей цепью заревою»(203) – вечным ощущением своей вины. Именно гнетущее чувство вины отличает подданного тоталитарного государства от свободного человека.

Что же сиротка-муза? Ей предстоит «Наплакать в земляничный кузов Слезинок, как Осинный нектар!»(203). Как и сердце поэта, подробно охарактеризованы в поэме его слезы.

Новорожденный поэт, подобно сказочному коту-баюну, ходит по цепи вокруг Кремля, а слеза, которая пробуждает память фольклорного героя, сливается с образом старого деда. Происходит трансформация женского образа (музы) в мужской. И речь идет уже о смерти и воскресении плачущего деда, о чем и поведали в своих песнях тунгус и тунгуска (эвенки). Слезы деда вписываются в излюбленный Клюевым природно-материнский мир (упомянуты лосиха, кукушка, жёнка). Не случайно песню тунгуса подхватила тунгуска, но ее песенка, скорее, звучит, как заклинание: «Чам-Чам, чамарша! – В веретенце есть душа» – поселился дед в клубок, Чтоб крутиться наутек!»(218). Ее магические слова и действия типичной клюевской Пряхи выпряли новую судьбу деду: он отправляется в Москву.

Дед стал ручьем из слез, и сани его полны слез и, возрожденный, он плывет на плотках по реке.

Мои стихи – плоты на Каме
Несут зарницы и костры,
Котлы с ухой, где осетры
Глотают огненное сало...(203)

И плоты будут плыть, «Пока напевы-осетры Не заплывут Кремлю в ладони»(209). Напевам-осетрам (а именно эта рыба произошла от слез природных существ) дано вернуть миру жизнь. Дед-Слеза победит Сталина-Скалу.

¹²Мифологический словарь. - С.356.

В поэме «Погорельщина» идеальная деревня называлась Сиговый Лоб, отражая древнее представление, что мир стоит на рыбе и ей тождественен. Строители нового мира разрушили старый мир –погубили Сиговый Лоб. Напевам-осетрам дано возродить мир-рыбу: капля камень точит...

Возможно ли обмануть Скалу? Но кормчий Сталин «Пучину за собой ведет И бурями повелевает»(223), поэтому не заметит опасности слезного потока.

Река Кама – река слез, разумеется, не реальная река, а – магическая река, река – граница между мертвым и живым миром, который, как ни странно, сохранился в глуши каторжного Нарыма.

Реальная Кама, важнейший приток Волги, никак не может течь от Нарыма. Безусловно, клюевская река хранит в памяти имя русской реки, но, скорее, она таит имя Камы – бога любви в брахманизме и индуизме. Могуществу зла должно противостоять могущество любви. Любовь должна быть единственным оружием поэта.

В пространстве Скалы есть слабое место – ее ворота (как было сказано, они являются границей между мирами). Ворота красного Кремля носят христианское имя: Ворота Спасские. Не случайно к ним принес дед «певчий камень алатырь»(206). «В стихе о Голубиной книге и русских заговорах Алатырь («белгорюч камень») ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди океана, на острове Буяне; на нем стоит *мировое дерево*, или трон, святители, сидит девица, исцеляющая раны; из-под него растекаются по всему миру целебные реки...»¹³ И есть надежда, что реки эти воскресят «избяной космос» с его собором-купиной.

¹³Славянская мифология. - М., 1995. - С. 31.

Книги, переданные в дар библиотеке от участников конференции:

1. Венок Николаю Клюеву, 1911 - 2003 / (сост., предисл., примеч. С. И. Субботина). - Москва : Прогресс-Плеяда, 2004.- (Библиотека моих детей. Русские поэты).
2. Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России : учебное пособие / Карел. центр гендер. исслед. ; (сост. и науч. ред. Е. И. Маркова). - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005.
3. XXI век на пути к Клюеву: материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Н. Клюева». - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006.
4. Есенин на рубеже эпох: материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / ред. О.Е. Воронова и др. - Рязань: Пресса, 2006.
5. Иванов В.И. Человек: поэма / Вячеслав Иванов.- Репринтное издание. - Москва: Прогресс - Плеяда, 2006.
6. История литературы Карелии. В 3-х т. Т.3 / ред. кол. Н.С. Наръярных и др.; ред. тома Ю.И. Дюжев. - Петрозаводск, 2000.
7. Клюев Н. А. Сосен перезвон: сборник стихов / предисл. В. Брюсова. - Репринтное издание 1912 г. - Москва: Новости, 2002.
8. Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания / А.В. Лавров. - Москва: Прогресс - Плеяда, 2007.
9. Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997.
10. Польская Муза и русские поэты: избранные переводы: польские мотивы в русской поэзии / сост. С. Лесневский, В. Радзишевский, Б. Романов. - Москва: Прогресс - Плеяда, 2004.
11. Розанов В. Миниатюры / Василий Розанов: сост., вступ. ст. А.Н. Никольского. - Москва: Прогресс - Плеяда, 2004.
12. Сергей Есенин и русская школа: книга материалов международной конференции, посвящённой 107-летию со дня рождения С.А. Есенина, 1-5 октября 2002 года. - Рязань: Пресса, 2003.
13. Флобер Г. Легенда о Святом Юлиане Милостивом / пер. с фр. И. Тургенев, А. Блок, М. Волошин. - Москва: Прогресс - Плеяда, 2007.
14. Хронограф: информационно-искусствоведческий журнал. / гл. ред. В.В. Воропанов.- № 1(7). - Вологда, 2004.
15. Nigieux M., Heller L. Histoire de L'utopie en Russie. - Paris: Presses Universitaires de France, 1995.
16. Szokalski J. Czas w poezji sergiusza jesienina. - Warszawa, 1995.

«И СЕВЕР НЕБЕДЬ НЕДЯНОЙ...»

Список литературы к книжной выставке о жизни и творчестве Николая Клюева

Избранное / Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин / сост. В. П. Журавлев.- Москва: Просвещение, 1990.

Клюев Н. А. Песнеслов: стихотворения и поэмы / сост., вступ. статья и коммент. С. И. Субботина, И. А. Костина.- Петрозаводск: Карелия, 1990.

Клюев Н. Письма к Александру Блоку, 1907-1915. - Москва: Прогресс-Плеяда, 2003.

Клюев Н. А. Сосен перезвон: сборник стихов / предисл. В. Брюсова.- Репринтное издание 1912 г.- Москва: Новости, 2002.

Клюев Н. А. Стихотворения. Поэмы / вступит. ст., сост. и подгот. текста К. Азадовского. - Москва: Художественная литература, 1991.

Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / авт. вступ. статьи и коммент. С. Куняев.- Архангельск: Северо-Западное издательство, 1996.

Клюев Н. А. Страна грачиных озимей: стихотворения, инскрипты, иллюстрации / сост. А. И. Михайлов.- Санкт-Петербург, 2003.

Венок Николаю Клюеву, 1911-2003 / сост., предисл. и прим. С. И. Субботина.- Москва: Прогресс-Плеяда, 2004.

Азадовский К. Личность и судьба Николая Клюева // Перечитывая заново: литерат.- крит. статьи. - Ленинград: Художественная литература, 1989.- С. 198-230.

XXI век на пути к Клюеву: материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Н. Клюева». - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006.

Савченко Т. К. Николай Клюев (1884-1937) // Русская литература серебряного века / под ред. В.В. Агеносова.- Москва: Про-Пресс, 1997.- С. 283-295.

Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997.

Алакина И. А. Николай Клюев и Надежда Плевницкая // Наука и бизнес на Мурмане: научно-практический журнал.- Мурманск: Книжное издательство, 1996.- С. 30-32.

Афанасьев А. Л. «Не железом, а красотой купится русская радость» // Наука и бизнес на Мурмане: научно-практический журнал.- Мурманск: Книжное издательство, 1996.- С. 39-47.

Базанов В. Г. О поэтике Николая Клюева // Литература в школе. - 2004. - № 12.- С. 14-18.

Иванова Т. П. «Таинственный деревенский Клюев...» // Наука и бизнес на Мурмане: научно-практический журнал.- Мурманск: Книжное издательство, 1996.- С. 7-8.

- Косенкова И. В. На потух заря пошла, чуден остров Соловецкий... // Наука и бизнес на Мурмане: научно-практический журнал.- Мурманск: Книжное издательство, 1996.- С. 50-52.
- Кузнецова В. Е. Николай Клюев. «Плач о Сергее Есенине» // Наука и бизнес на Мурмане: научно-практический журнал.- Мурманск: Книжное издательство, 1996.- С. 16-21.
- Маркова Е. «Я музыку постиг...»: (О поэзии Николая Клюева) // Север. - 2005. - № 1-2. - С. 151-163.
- Маркова Е. Северная мистерия России // Наука и религия. - 1994. - № 7. - С. 8-9.
- Маркова Е.И. Возвращение Николая Клюева: к 110-летию великого русского поэта // Журавка. -1994.- № 1. - С. 19-21.
- Мейкин М. Николай Клюев в англоязычном мире // Север. - 2002. - № 4-6. - С. 230-235.
- Нежинец Н. Поэт великой страны, ее красоты и судьбы: к 110-летию со дня рождения Н. Клюева // Библиотека. - 1994. - № 8. - С. 59-63.
- Никитин В. «Белая Индия» Николая Клюева // Наука и религия. - 1994. - № 5.- С. 21-23.
- Переяслов Н. Культура - вечная вдова // Север. - 2001.- № 7-8. - С. 219-222.
- Переяслов Н. От общего истока: мотивы и образы «Слова о полку Игореве» в поэзии Н. Клюева // Север.- 1993. - № 8. - С. 155-157.
- Рожина Р.А. Клюев в воспоминаниях Шаламова // Хронограф: Информационно-искусствоведческий журнал.- № 1(7).- Вологда, 2004.- С. 95-103.
- Субботин С. «Я бы написал так...»: (Николай Клюев и молодые поэты) // Север. - 1995. - № 3. - С.150-152.
- Фирсов В. Суждения и факты: о ранней биографии Николая Клюева // Север. - 1996. - № 5-6 - С.147-155.
- Яцкевич Л. Г. Поэтическая география Николая Клюева // Вытегра: краеведческий альманах.- Вып. 2.- Вологда, 2000. - С.154-195.

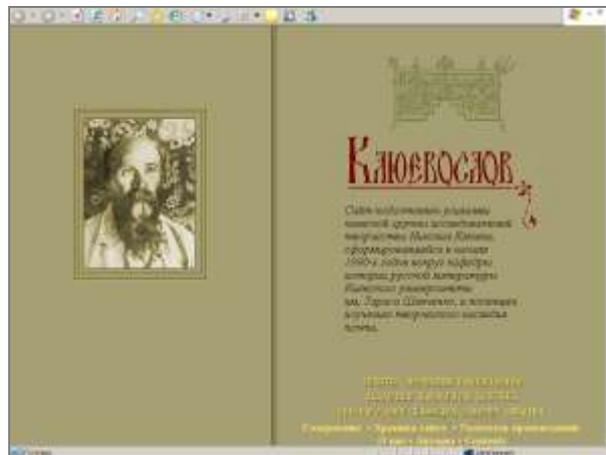

Электронные ресурсы по творчеству Николая Клюева

«Клюевослов»

<http://kluev.org.ua/>

Самый крупный сайт, посвященный изучению творческого наследия Николая Клюева, создан и поддерживается киевской группой исследователей творчества поэта, сформировавшейся в начале 1990-х годов вокруг кафедры истории русской литературы Киевского университета им. Тараса Шевченко. Здесь представлены стихи Н. Клюева разных лет — в том числе ранее не публиковавшиеся, переводы, статьи исследователей биографии и творчества ПОЭТА из Украины, России, Латвии, Польши, США и других стран.

«А в сердце светит Русь...»

<http://nk-poety.narod.ru/win/main/main.html>

Этот сайт посвящен одному из самых неординарных направлений «серебряного века» русской литературы — так называемой новокрестьянской поэзии, представленной здесь именами Сергея Есенина, Сергея Клычкова, Николая Клюева, Петра Орешкина и Александра Шириявца. Здесь можно познакомиться с поэтическим и эпистолярным наследием этих авторов, с воспоминаниями о поэтах их современников, с краткими биографическими и автобиографическими очерками.

Методическая разработка сценария по творчеству Н. Клюева

http://www.ido.tsu.ru/other_res/school2/other3/litgost/

Томский государственный университет и Муниципальное образовательное учреждение Заозёрная общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов N 16 г. Томска разместили в сети Интернет методическую разработку сценария литературной гостиной, посвященного поэзии Н. Клюева, его месту в нашей культуре новыми фактами пребывания поэта в Сибири, Томске.

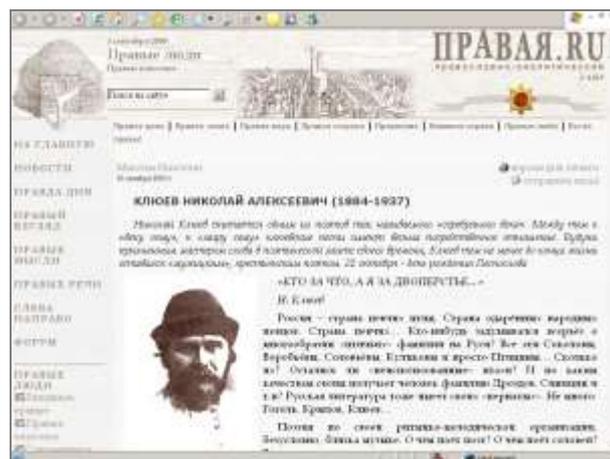

ПРАВЯЯ.RU - православно-аналитический сайт

<http://www.pravaya.ru/ludi/450/5138>

На сайте опубликована глубокая и тонкая статья Максима Николина, в каждой строчке которой звучит понимание «песнописца» Николая Клюева.

**Николай Клюев:
путь от речи на Кургане до поэмы «Кремль»**

*Сборник материалов
научно-практической конференции*

Составитель и науч. редактор: Е.И. Маркова

Ответственный за выпуск: Е.Ю. Кырнышева

Оригинал-макет: Е.Г. Васильева

При подготовке сборника использованы фотографии изданий:

Три века Петрозаводска: иллюстрированная история города. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003
Егоров Н. Петрозаводск на открытке. Прошлое и настоящее. Петрозаводск: ПетроПресс, 2004.
Фотоматериалы с сайтов Интернет и личных архивов В.П. Ершова и Е.И. Марковой

185026 Республика Карелия
Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
г.Петрозаводск
Библиотека-филиал № 3 им. Н.А. Клюева
Тел.: 8(814-2)519049
E-mail: kuk_library@karelia.ru